

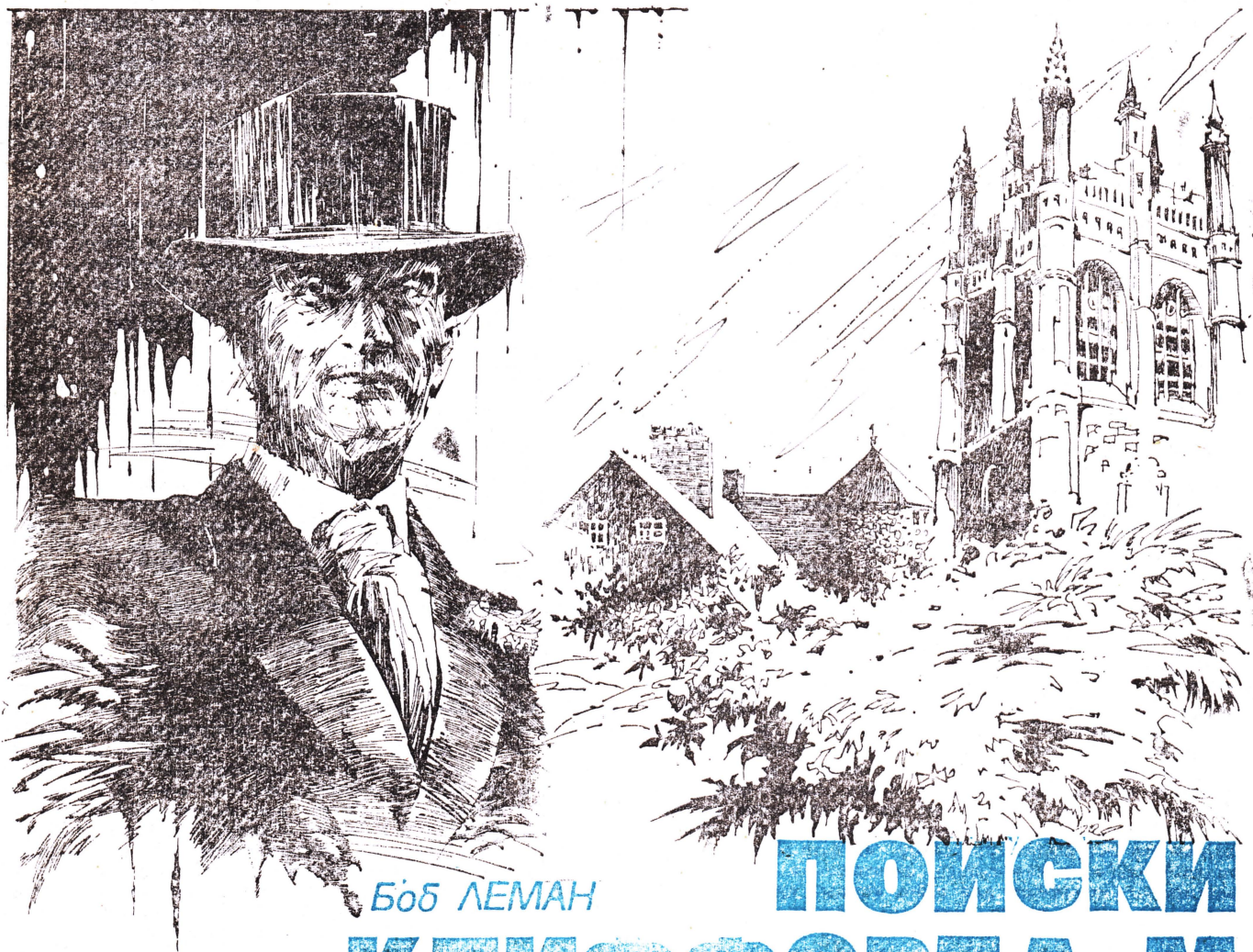
ВЫПУСК
13

Шиф

приключения фантастика

Библиотечка «Уральского следопыта»

Боб ЛЕМАН

ПОИСКИ КЛИФФОРДА М

Художник
Д. ЛИТВИНОВ

МНОГИЕ мои коллеги сочли, что моя статья, озаглавленная «Случай Клиффорда М.», может после переложения на более доступный, лишенный специальных терминов язык заинтересовать широкую аудиторию. Я ссылаясь за этот труд и сейчас бы хотел представить читателю результат своей работы. С одной стороны, я несколько расширил статью, ввел некоторые собственные размышления, которые были бы неуместны в предназначенной для специалистов версии; с другой — значительно ее сократил, отказавшись от графиков, диаграмм, таблиц — всего того, что утяжеляло текст и не могло привлечь внимание тех людей, для которых я готовил второй вариант своей статьи.

Для понимания случая Клиффорда М. нужно прежде всего уяснить способ размножения существ, о которых пойдет речь. Распространено мнение, что для продолжения рода вампиры должны каким-то образом добывать того, чтобы не принадлежавший к их клану человек попробовал их крови. После этого — независимо от половой принадлежности — вампир путем выделения гризсит потомство. Утверждение подобного типа следует определять как суеверие. Вампиры — это млекопитающие, конечно, довольно специфические, и рождаются, как и все млекопитающие. Конечно, здесь существуют некоторые отличия, но они не настоящие кардинальные, как представляется сторонникам изложенной выше точки зрения.

Молодые вампиры появляются на свет примерно раз в шесть лет, в количестве от восьми до двенадцати щенят. У самки имеется десять сосков, значит, в случае более многочисленного помета слабейшие щенята, не имеющие индивидуального доступа к груди, должны погибнуть. Те, кто хоть немного знаком с вопросом, должны знать, что еще никто и никогда не видел взрослого вампира без одежды. Вампиры не желают, чтобы при каких бы то ни было обстоятельствах они были узнаны, поэтому дополнительные груди самки, а также гениталии самца всегда старательно прикрывают. На протяжении последних лет появились публикации, из которых следует, что вампиры якобы способны к более-менее нормальным сексуальным отношениям с людьми. Это, разумеется, совершенно невозможно, и описания подобного рода актов следует признавать исключительно плодом воображения.

До сих пор не удалось установить точной продолжительности беременности самок-вампириц, но наверняка она длится очень долго — до десяти лет и более. Щенята сразу после рождения очень малы, весят, как гравилло, не более полуфунта и ничем не напоминают взрослых особей. Скорее, их можно сравнить с голозастяками или недоразвитыми эмбрионами. Самой характерной чертой молодых щенят являются зубы. Они наличествуют от рождения в таком количестве, что не заметить их просто невозможно. Едва родившись, щенки буквально прирастают к соскам матери; ничем их не стравить, и остаются в таком положении, свешиваясь с соска, как плоды с дерева, около двух лет. Все это время питается кровью людей, приносимой ей самцами, среди которых может (но не обязательно) быть и отец потомства. Они передают ей пищу так же, как и большинство птиц, кормящих подрастающий молодец, — нужно иметь действительно крепкий желудок, чтобы хладнокровно думать об этом. Следует также обратить внимание и на то, что весь период кормления самка питается исключительно человеческой кровью, тогда как обычно вампиру этот вид пищи требуется лишь на каждый двенадцатый прием, в промежуток он удовлетворяется кровью любого теплокровного создания.

Отлученные от груди, щенята еще какое-то время получают исключительно человеческую кровь. Само отлучение происходит довольно решительно: мать разжимает стиснутые челюсти и сильно отталкивает малышек от себя. Однако делает это осторожно, поскольку их острые зубы стремятся сомкнуться на чужбинку, оказавшемся в пределах досягаемости. Специально для этого самцы приносят труп человека. Его кладут подле щенят, их челюсти впиваются в тело, и движимые врожденным инстинктом, молодые начинают сосать, впервые пробуя человеческой крови и обрекая себя на периодическую, но длящуюся всю жизнь зависимость от нее.

В этот период щенята все еще имеют непропорционально большие головы и рты, конечности их развиты слабо, дачейки нескорректированы, поэтому щенята, хоть и снаб-

женные чудовищными челюстями и ужасными зубами, остаются почти беззащитными. Они покрыты густой черной шерстью, которую почти полностью теряют в возрасте пятнадцати или шестнадцати лет; шерстяной покров остается только на голове. Взрослые самцы не имеют никакой растительности на лице. И. Стокер, автор работы об известном вампире Дракуле, дал своему герою небольшие усы, но это лишь одна из многих ошибок, какие можно найти в его сочинении.

Когда щенята перестают сосать, самка присоединяется к охотничьим; и кандиды ночь, почти до рассвета, малыши остаются одни. В отличие от взрослых особей они не погружаются в дремоту от восхода до заката спячку, а лишь несколько тяжелеют, становясь склонными к чему-то вроде легкой летаргии. С возрастом эта склонность усиливается. Умение превращаться в истопира или огромную ночную бабочку приходит только в зрелости, но когда точно наступает этот момент — неизвестно.

Эти общие свойства вампиров необходимо помнить, когда речь будет идти о Клиффорде М. Сейчас я перейду к непосредственному изложению этой истории — страшной и поучительной одновременно.

Первое упоминание о существовании Клиффорда М. встречается в нескольких письмах, написанных в восьмидесяти годы XIX века молодой женщиной по имени Дьюльси Фимбер своему жениху Олдису Ханкрайту. Оба они были родом из горного округа Камбер, поблизости от того места, где сходятся границы штатов Вирджиния, Техасси и Кентукки. Молодой человек уехал на заработки, чтобы купить дом для себя и своей Судущей супруги, а Дьюльси осталась дома с родителями и множеством младших родственников и каждую неделю писала ему письмо.

То, что в этих письмах касается «Обезьянки Осси», почти наверняка относится к Клиффорду М. Осси Фимбер был одним из младших братьев Дьюльси, в то время четырнадцатилетним пятнадцатилетним мальчиком.

Он обожал бродяжничать и был отличным охотником. Уже в одиннадцать лет у него вошло в привычку исчезать из дому и с ружьем в руках плутать по лесам порой по нескольку дней. Возвращался он с большим количеством дичи, которая изрядно разнообразила стол его родителей. По мере взросления Осси эти отлучки становились все длительнее, радиус его походов соответственно увеличился, поэтому пещера, которую он однажды обнаружил, могла находиться даже в ста милях от его дома. Само открытие произошло следующим образом: начался дождь, и мальчик спрятался под ближайшим скальным навесом. У самой земли он заметил какое-то отверстие и, сунув туда голову, констатировал, что это вход в пещеру. Пещерой маленький Осси, естественно, не заинтересоваться не мог. Осветив себе путь пылающим факелом, он осторожно шагнул по скальному коридору и вдруг увидел горлице, как угольки, глаза. Он отпрянул и замер. Глаза не двинулись. Их было восемь или девять пар. Осси подался вперед — глаза оставались на том же месте. Тогда он осторожно склонился, светя факелом, и вновь замер.

Осси воспитывался в горах, был охотником и некоторые вещи ощущал инстинктивно. Он сразу понял, что создания эти являются какими-то щенятами или котятками, а там, где есть малыши, обычно находится их мать, готовая встать на защиту. Существа его весьма заинтересовали — никогда прежде он не видел ничего подобного, — но опасность буквально висела в воздухе. Он стал осторожно отступать. И тут восемь или девять вооруженных чудовищными зубами челюстей начали плавать в его направлении, производя в замкнутом скальном помещении сильный шум. В ту же секунду он с ужасом заметил, что эти существа выбираются из ниши, где находились, и ползут к нему. Движения их нескорректированы, неловки, но маленькие красные глазки горят безжалостным огнем, мощные челюсти стучат, а угрюмое, непрерывное движение отражает, как ему показалось, настоячивое стремление погрузить страшные зубы в его тело.

Он отступал, а они — следом, ползя по камням и сожде-ленно поскуливая. Вскоре они оказались недалеко от выхода из пещеры. Сюда уже проникла дневная свет. И в дневном свете посмотрев из своих расщелин, Осси вдруг почувствовал приступ отвращения. Отбросив факел, он обеими руками схватил ружье и начал изо всей силы бить прикладом. Сколько это продолжалось, он вспомнить не мог,

но когда горячка убийства миновала, на полу пещеры ничто не шевелилось. Тут он вспомнил о матери детенышей и устремился к выходу. В этот момент он осознал, как кто-то хватается за ногу, но повернуться было страшно. Осси бежал как только мог, ожидая, что его вот-вот схватят.

НАКОНЕЦ, он выскочил из пещеры в ослепляющий блеск полуденного солнца и повернулся, обратив лицо к зияющему в скальной стене отверстию. Ничего. Он с облегчением вздохнул. Одно из маленьких существ, прицепившись к подошве башмака, погрузило в нее свои зубы и добралось до живого тела. Оказавшись на свету, существо свернулось клубком и закрыло глаза, не ослабив, однако, захвата. Оно имело два фута длины, было полностью покрыто густой черной шерстью и имело четыре паучьих конечности, две из которых явно служили руками. Осси содрогнулся от отвращения и боли и резко дернул ногой: куда там!

Мальчик оказался перед серьезной проблемой: нужно было поскорее уходить от пещеры, ведь в любую минуту могла появиться мать щенят, но он не знал, как освободиться от вцепившейся в пятку твари.

Сама мысль о том, что ему придется касаться голыми руками этого паршивого грызуна, страшилась Осси. Стоп! Почему голыми!

У него был с собой мешок из грубого полотна, предназначенный для мелкой дичи, и мальчик решил, что его можно использовать как защитные рукавицы. Он поскорее вывалил на землю белок и кроликов, которых нес домой, и уже намеревался обернуть руки полотном, как вдруг таинственный звереныш отпустил ногу и молниеносно вцепился в тельце одного из кроликов. После чего неподвижно замер. Осси торопливо сбросил в мешок добытую дичь, а потом, под влиянием какого-то импульса, затолкал туда же вместе с тельцем кролика и своего крохотного обидчика. Если он будет слишком беспокойным, с ним легко справиться, не вынимая из мешка, а если останется таким же смиренным, как сейчас, его надо будет детально изучить дома.

К счастью, Осси живым добрался до дома. Взрослые вампиры, обнаружив своих детей мертвыми, если и бросились в погоню, то не нашли его.

У Фимберов имелась клетка, в которой обычно держали пойманных куниц. Осси вывалил туда содержимое мешка и поспешно закрыл дверцу. Его пленник тем временем принял за третьего кролика; от двух предыдущих остались только косточки. Отлученные от груди, вампиры могут есть мясо, оно, кстати, составляет основу их диеты до юношеского возраста, с наступлением которого они питаются исключительно кровью, хотя, как уже отмечалось, не обязательно человеческой.

Клетка эта на несколько лет стала домом Клиффорда М. У меня есть вырезка из тогдашней местной газеты, дата, указанная в ней, пятью годами позже отстоит от той, какой помечено письмо Дьюльси Фимбер своему жениху с первым упоминанием об «обезьянке Осси». В заметке, озаглавленной «Странное животное на ферме Фимберов», о пленнике Осси сказано как о «чем-то вроде обезьяны». Из текста ясно, что к тому времени Клиффорд М. начал терять покрывающую тело шерсть, а вместо мощных детских зубов имел уже нормальные, на первый взгляд ничем не отличающиеся от человеческих. На основании этих данных можно сделать вывод, что тогда ему было около пятнадцати лет. Имеющиеся в той же заметке сведения о его размерах (ростом с пятилетнего мальчика) подтверждают это предположение.

Вскоре после появления этой заметки Клиффорд М. сбегал, лишив жизни свою первую жертву. Однажды утром отец Осси нашел мертвое, как будто высушенное, тело своего сына Осси, лежащее около пустой, открытой клетки. С этого момента — примерно на семь лет — Клиффорд М. исчезает из нашего поля зрения, однако на основании некоторых косвенных данных можно предположить, что в это время он ведет образ жизни дикого животного, скрываясь в густых лесах, покрывающих склоны Аппалачей, питается всевозможными мелкими зверьками, время от времени — разумеется, неизвестно как часто — получая необходимую ему дозу человеческой крови.

В 1907 году вышла книга «Дикий мальчик из округа Йохсон», написанная Ларсоном Карртом.

В книге рассказывается, как группа охотников осенью

1898 года — посреди ночи, в чаще леса, обнаружила дикого мальчика и захватила его в тот момент, когда он склонился над одним из спящих людей. Никто не мог понять причину, по которой он это делал, хотя для нас она очевидна. Защи-

щаяся от агрессивности лесного ребенка, охотники связали его и, принеся в городок Лестингтон, сдали властям. Преподобный мистер Крокетт, приходской священник собора Св. Марка, когда-то учитель, обрадовался случаю вернуть в лоно человеческое и божеское заблудшую овечку, а также одобрять новые педагогические теории. С получением ребенка под опеку не было никаких сложностей.

По словам Крокетта, ребенок обладал какой-то врожденной интеллигентностью и очень быстро научился не только носить одежду и ходить прямо, но даже говорить. Супруги Крокетт назвали мальчика Гарри. Они были бездетны, но не похоже, чтобы испытывали к своему приемному сыну особые горячие чувства. Ноборот, присутствие мальчика они считали своего рода божьим наказанием. Глядя с перспективы времени, можно только удивляться их интуиции, однако они терзались тем, что носят в сердцах такие нехристианские чувства.

Крокетты оценивали возраст Гарри в десять-одиннадцать лет; но мы знаем, что, когда он попал к ним, ему было двадцать три или двадцать четыре года.

Семилетнее пребывание у Крокеттов дало Клякффорду М. очень много. Через три года после того, как охотники принесли ребенка в Лестингтон и равно через столько же после усыновления его преподобным мистером Крокеттом, мальчик был отдан в начальную школу. Успехи его были настолько блестящими, что спустя несколько месяцев учителя констатировали, что не могут научить его ничему больше, и перевели в среднюю школу, которую он наизусть закончил бы, если бы за месяц до окончания не убил миссис Крокетт и не удрал из дома священника. Из семьи Крокеттов он вынес неплохие манеры, умение одеваться и вести себя так, что всякий встречавший его был склонен считать Клякффорда М. заслуживающим доверия молодым человеком.

Кроме того, он прихватил с собой одежду и девятьсот семь долларов, которые украл из стола мистера Крокетта.

Оставил же в Лестингтоне он совершенно сломленного старого человека и лишенный крови труп старой доброй женщины, которая из всех сил старалась заменить ему мать.

Теперь время задаться вопросом, знал ли Клякффорд М. кем на самом деле он является. Его самые ранние воспоминания относятся, по всей видимости, ко времени, когда он был заперт в клетке на ферме Фимберов, да это всего лишь туманные проблески. Он не помнит, что некто да был обросшим, как обезьяна, и имел зубы, как акула. Думал, что является обычным человеком и именно потому считал себя диковиной и неудачником. Достигнув периода созревания и заметив изменения в своих гениталиях, он окончательно убедился, что с ним что-то не в порядке; к тому же его все чаще стали посещать необычные, хищные мысли.

Полное преграждение, однако, состоялось лишь в 1916 году, через одиннадцать лет. В этом можно быть уверенным, поскольку в 1916 году Клякффорд М. окончил Гарвардский университет, что было бы невозможно без посещения занятий: по достижении половой зрелости вампир погружается днем в спячку, закатки же в университете редко проводятся ночью. Итак, Клякффорд М. стал зрелой особью после июня 1916 года и начал испытывать некоторые потребности, даже более отчетливые, чем обычный категоричный императив, требующий человеческой крови. Этих потребностей он удовлетворять не мог. К тому времени он был уверен, что является каким-то чудовищем, и решил устроить свою жизнь таким способом, который позволил бы ему хотя бы частично реализовать рождающееся в его разуме и теле желание.

Мы не знаем, что происходило с ним в течение пяти лет после бегства из Лестингтона, кроме того, что каким-то образом он получил много денег. Вновь он появляется только в 1910 году, когда поступает в Керинтия Колледж, маленькое закрытое заведение в Фаулере, штат Иллинойс. В документах он фигурирует как Клякффорд М. — по имеющимся у нас данным, тогда он впервые использовал имя, с которым больше не расставался. Он не мог представить ни своей биографии, поэтому никому и в голову не приходило заниматься какими бы то ни было расследованиями.

Очевидно, что Керинтия Колледж явился только средством для достижения цели: он покинул его через два года, получив написанные золотом рекомендации и аттестаты, свидетельствующие об «исключительных возможностях молодого благосклонного человека». Без всяких проблем его приняли и в Гарвард.

С периодом его пребывания в Гарварде связано одно удивительное обстоятельство. Его приезд в это заведение предвещали многочисленные письма к светским дамам Бостона, страстигелем которых была миссис Джейнс Стурдевант из Ричмонда, дама с обширными знакомствами. Благодаря этому Клякффорда М. приглашали на многочисленные приемы и встречи в элитнейших домах Бостона, как будто он давно принадлежал этому обществу. Мы уже никогда не узнаем, как ему удалось убедить миссис Стурдевант написать эти письма. Два из них найдены, и в тех фрагментах, которые интересуют нас, совершенно идентичны. Романтических и совершенно неверных подробностей, касающихся происхождения и воспитания Клякффорда М., было вполне достаточно, чтобы убедить почтенных матерей Бостона, что перед ними совершенно экстраординарное явление и притом в качестве отличного кандидата в мужья для их дочерей. Правда, отрывавшимся перед ним возможностями Клякффорда М. воспользоваться при всем желании не мог.

По окончании Гарварда два года он проработал на бирже и ушел с нее — уже тогда в Нью-Йорке у него была репутация эксцентричного человека. Вот тогда-то, с каждым восходом солнца, он и стал погружаться в неконтролируемую спячку. По этой причине все свои дела он улаживал теперь только по почте.

Несмотря на это, удача постоянно улыбалась ему, и в 1922 году он был обладателем значительного состояния. Тогда же он и переселился в огромный, некрасивый дом в гэрричской части Пенсильвании, который купил у наследников умершего угольного магната. Там и началась его главная деятельность, которая продолжалась непрерывно следующие шестьдесят лет.

В ПОЛНЕ очевидно, что в какой-то момент, между окончанием учебы в Гарварде и отказом от работы, он удостоверился, кем в действительности является. Записи в картотеке книжного магазина Сальцмана в Гринвич Вилладж, представляемые нам мистером Дэвидом Сальцманом, подтверждают факт, что бывший тогда владельцем магазина отец мистера Дэвида поддерживал с Клякффордом М. постоянную переписку.

Клякффорд М. поручил ему поиск публикаций, связанных с вампиризмом, оборотничеством и другими близкими вопросам оккультизма. Изучая эти работы, Клякффорд наконец разобрался в аномалиях, которые наблюдал у себя, и пришел к выводу, что является не человеком, а совершенно отличным от него созданием — вероятно всего, вампиром.

Некоторое время он вел дневник, записывая в нем свои размышления и предположения. Дневник этот был обнаружен доктором Е. М. Бурбенком и находится у него. Доктор Бурбенко предоставляет его всем ученым, занимающимся интересующим нас вопросом. Из дневника мы узнаем, что Клякффорд М. выписывал все выходящие в Соединенных Штатах, Великобритании, Канаде журналы, а также принял на работу значительное количество людей — в большинстве своем учителей-консервов, — в задачу которых входило — за неплохое вознаграждение — читать эти журналы и вырезать заметки, касающиеся таинственных случаев смертей и исчезновений, сопровождающихся всевозможными странными обстоятельствами. Контроль за этой работой он доверил смышленному молодому человеку по фамилии Робертсон, который по секрету признался, что верит в вампиров и оборотней (на всякий случай добавил еще астрологию и тее-софию) и ищет доказательства существования отличного от людей мира. Робертсон, зная предмет поисков, выуживал из моря вырезок те, которые выглядели наиболее обещающими, нанимал частных детективов, чтобы те провели расследование интересующих случаев.

За первые десять лет поисков были выявлены семь прецедентов, которые показались Клякффорду М. заслуживающими детального анализа, но все они в конечном счете оказались обычными убийствами, самоубийствами или похищениями. Двадцать последующих лет были годами Великой Кризиса и второй мировой войны; крупные массы людей перемещались с места на место, число интересных случаев значительно увеличилось — и тоже безо всяких результатов. Тем временем Робертсону удалось получить доступ к полнейшей информационной сети, благодаря чему количество таинственных, вызывающих надежду проществий возросло

еще больше; и все-таки ни одно из проведенных следствий не привело к успеху.

Должно быть, Клиффорд М. многократно боролся с искушением прекратить поиски; ему иногда почти удавалось убедить себя, что его подозрения в вампиризме не что иное, как лунатическое наваждение. Ежедневная потеря сознания, быть может, лишь проявление какой-то болезни, странные органы воспроизведения — ошибки природы, а чудовищная жажда крови — попросту извращение. Однако ничто не помогало: подобные мысли не выдерживали критики. Он убедился, что другая жажда, не дающая ему покоя, почти такая же сильная, как жажда крови, это, безусловно, сексуальное вожделение. Но в отношении кого! Женщин, которых он когда-то встречал, мужчин, детей или животных! Нет, это тяга, направленная на самку его вида! Ее требовалось найти! В противном случае жизнь рано или поздно стала бы для него невыносимой.

Приведенные здесь высказывания — не наши литературные домыслы, они взяты из дневника Клиффорда М., где записаны под датой: «3 июня 1972 года».

Используя дневник, мы можем с большой долей вероятности реконструировать жизнь Клиффорда М. в это время. Прежде всего нужно помнить, что ежедневно от восхода до заката солнца он лежал, погруженный в глубокий сон, ведя активную жизнь только ночью. Его похожий на замок дом стоял в безлюдной местности, в нескольких милях от маленького, забытого всеми городка, в котором находилась контора Робертсона. Дом не был виден ни с одной дороги, а единственным навещающим его человеком был сам Робертсон, являющийся со своим рапортом раз в неделю, спустя час после захода солнца.

Робертсону было уже около семидесяти лет и пятьдесят из них он работал на Клиффорда М. Ему отлично платили, но, безусловно, его не раз посещали мысли о ценности жизни, проведенной в сборе ничего не стоящей информации для страдающего манией богача. Он стал специалистом в отделе зерна от плесел, поэтому только изредка мог показывать своему нанимателю что-то интересное, но уж если решал, что какая-то из вырезок заслуживает внимания, Клиффорд М. вынужден был признать, что так оно и есть.

Если наши расчеты правильны, то в середине семидесятых Клиффорду М. было около ста лет. Перед посторонними наблюдателями он представлял как стройный, атлетически сложенный, красивый мужчина лет тридцати пяти, с бледным лицом и иссиня-черными волосами. Он носил несколько старомодные дорогие костюмы, которые никогда не сидели на нем хорошо, потому что он получал их по почте. У него были двое служащих, тогда уже пожилого возраста, эмигрантов из каких-то сельских мест на Балканах. Пара эта прекрасно понимала, кем является их хозяин, и не удивлялась ни его странной диете, ни ночному образу жизни. За то, что служащие держали язык за зубами, они получали щедрое вознаграждение.

У Клиффорда М. был также сделанный по специальному заказу автомобиль, внешне ничем не отличающийся от ездящих еще по дорогам машин старых марок, но имеющий мощный двигатель и способный преодолевать без дозаправки большие расстояния. Раз в месяц, а то и чаще Клиффорд М. отправлялся на нем после захода солнца, чтобы вернуться до рассвета, утолив свою кровавую жажду. Во время таких прогулок он был весьма осторожен и брал у жертвы ровно столько крови, чтобы это не могло привести к ее смерти или хотя бы вызвать беспокойство, которое заставило бы обратиться к врачу. Его «охотничьи угодья» имели вид круга с радиусом примерно в сто миль, в центре которого находился его дом.

За долгие годы Клиффорд М. предпринял также шестьдесят или семьдесят более продолжительных поездок в различные уголки страны (четырежды посетил Канаду и однажды Мексику) для личной проверки случаев, которые даже после проверки не удалось объяснить каким-либо рациональным способом.

Поездки эти требовали тщательной подготовки, заключающейся в том, чтобы в конечном пункте путешествия всегда имелось какое-нибудь помещение, в котором Клиффорд М. мог спокойно проспать целый день. В таких случаях Робертсон брал на себя роль заведующего, снимая на некоторое время стоящие на отшибе дома. Пара служащих

ехала вместе с ним, отсыпаясь ночью на заднем сиденье, пока он вел машину, а днем охраняя его безопасность. Но ни одно из этих сложных сафари не привело к обнаружению того, что разыскивал их хозяин.

Успех принесла только самая последняя поездка в маленький, лежащий в западной части штата городок Стурквилл, всего в дне, а точнее, в ночи пути от дома Клиффорда М.

Благодаря местному «Геральду», мы с полной уверенностью восстанавливаем ход событий, которые привлекли внимание сначала Робертсона, а затем и самого Клиффорда М.: растущее число необъяснимых болезней у местных жителей, а затем случаи таинственных смертей и исчезновений. Робертсон, как обычно, отправился первым и снял для хозяина покинутый дом. Вскоре там появился Клиффорд М. со своими служащими.

Т ЕПЕРЬ нам придется оставить на некоторое время Клиффорда М. и заняться ситуацией, сложившейся тогда в Стурквиле. Здесь ни к чему строить домыслы, поскольку имеются рассказы трех главных участников событий, происшедших после окончания успешных поисков Клиффорда М. Это Бланш Толливер, Эдмунд Ходж и Фрэнк Полдер, соответственно врач, фабрикант и директор Восточной Высшей Школы. Бланш Толливер в 1958 году приняла практику своего отца и с тех пор непрерывно обслуживала жителей городка, принимая вызовы в любое время дня и ночи, отличаясь знанием каждого больного и никогда не напоминала о невыплаченных гонорарах. Двадцать лет она была любовницей Эдмунда Ходжа — жениться они не могли, поскольку жена Ходжа была уже четверть века в психиатрической лечебнице. Сам Ходж был одним из владельцев литейного завода братьев Ходж, самого крупного промышленного предприятия городка, а Фрэнк Полдер являлся его кузеном. Все трое были знакомы и дружны с самого детства.

В дело Клиффорда М. они оказались замешанными по вине Бланш Толливер, которая, осматривая пациентов из отдаленных уголков округа, пришла к выводу, что среди них появились носители новой болезни, характеризующейся симптомами, свидетельствующими о значительной потере крови. Эти симптомы наблюдались у людей, не имеющих ни наружных ран, ни внутренних кровотечений. Вскоре после этого на горле одного пациента Бланш обнаружила странное, похожее на укусы следы, а несколькими сантиметрами ниже почти идеальное их повторение. Таким образом, выделив указанные симптомы, в случае потери пациентом крови, она уже искала такие ранки и чаще всего находила их. Более того, она отыскала своих ранних пациентов, у которых, как оказалось, имелись такие же следы, хотя ранки давно уже зажили.

Бланш Толливер имела обыкновение обсуждать результаты своей работы с Ходжем, на этот раз он счит ее рассказ настолько интересным, что повторил его Полдеру, который отреагировал точно так же, как и раньше сам Эдмунд Ходж: «Дракула!», — воскликнул он, захлебываясь от смеха.

Однако появлялись все новые сходные случаи, а вскоре умерла женщина, а затем двое детей. Патологоанатомическое исследование установило, что женщина потеряла огромное количество крови. Когда вечером трое друзей говорили за ужином об этом событии, шутка Полдера уже не казалась смешной. Они решили, что Полдер, который как раз располагал свободным временем (был июль, а значит, середина каникул), посвятит неделю другой сбору информации от пациентов Бланш и выяснит, какие события, непосредственно предшествовали заболеванию.

Спустя две недели они встретились вновь, и Полдер сказал:

— Кто-то действительно пил их кровь. Почти половина людей смутно помнит нечто в этом роде. Но так смутно, что все убеждены, что это просто сон. Но что вы скажете о таком сне, который, с небольшими вариациями, приснился сразу двадцати трем людям и в котором участвовали примерно один и те же персонажи! Мужчина и женщина, или даже мужчина и одна женщина. Никто не может вспомнить точно, но всем кажется, что они были грязные и оборзавшие: мужчина в неопрятном, измазанном чем-то пальто, черной шляпе и обуван на деревянной подошве; второй, когда он был, тоже; а женщина — в грязном хлопчатобумажном платье и красных чулках. Описания почти идентичны, и половина людей, с

которыми я разговаривал, называла их «людьми с гор» или «лесными людьми». Думаю, нужно сообщить в полицию.

— Я тоже так считаю, — ответил Ходж, — но этих «лесных людей» будет трудно в чем-либо винить, коль скоро жертвы считают, что все им приключилось, а раны давно зажили. Однако лучше уж знать, что это какие-то безумцы или извращенцы, чем начать верить в вампиров.

— Я, пожалуй, уже в них верю, — медленно сказала Бланш. — По-моему, это именно вампиры.

— Ты же слышала, как они выглядят! — возразил Ходж.

— А почему вампиры не могут выглядеть именно так! Ты можешь мне сказать, как выглядит вампир! Почему не так, как «лесной человек»? Если в рассказах о вампирах есть хоть доля истины, то они скрываются, максимально уподобляясь людям. И живут очень долго. Представьте себе вампира, которому, скажем, двести лет и который живет в горах. Как, по-вашему, он должен себя вести и выглядеть! Разумеется, как «человек с гор». Разве вампир должен выглядеть, как Бел Логоши! Будет ли вампир из Аппалачей носить вечерний костюм!

Мужчины задумались над ее словами, и Полдер сказал:

— Пожалуй, ты права. Эти люди, когда рассказывали о своих снах, чувствовали, что имели дело с чем-то более ужасным, чем с обычным, жаждущим крови безумцем. С чем-то, чего они не в состоянии выразить.

— Если бы на них напали какие-то безумцы, они наверняка помнили бы это, — встала Бланш.

— Итак, можно принять, что это вампиры, — заметил Ходж. — Что будем делать?

— Сообщим в полицию, — сказал Полдер и тут же добавил: — После чего нас сразу запрут в психу.

— Вот именно, — кивнула Бланш. — А почему бы нам не попробовать самим их выследить и поймать на месте преступления!

— Действительно, почему бы и нет! — подхватил Ходж.

Они начали работу с нанесения на карту дат и мест случаев, выявленных Бланш и Полдером.

В сумме получилось семьдесят восемь случаев значительной потери крови, происшедших на протяжении последних тридцати месяцев. Соединив на карте линиями точки, которые обозначают заболевания в данном месте, они получили любопытную картину в виде расширяющихся во все стороны практически идеальных окружностей.

— Это может означать, что они начали операции поблизости от своего укрытия и постепенно все дальше удалялись от него, — сказала Бланш.

— Возможно, именно тринадцать месяцев назад они появились здесь, — задумчиво проговорил Ходж. — Полагаю, они могут перемещаться с места на место так же, как люди.

— И где же тогда находится их укрытие! — спросил Полдер.

— Судя по карте... Самая маленькая — самая ранняя окружность — с мая прошлого года... Вот: старый дом на перекрестке трех горных дорог. Когда-то там была кузня, магазин, но теперь это одни руины.

— Декорации в самый раз, — буркнула Бланш, — и что теперь!

— Как это что! Мы должны их найти!

— Ладно. Что мы сделаем, когда их найдем!

Некоторое время все молчали.

— По-моему, это очевидно. Если они окажутся теми, о ком мы думаем, мы угостим их деревянными кольями, — неуверенно сказал Ходж.

— А если нет!

— Тогда будет сложнее. Сомневаюсь, чтобы мы справились с тремя маньяками...

— Если нам удастся увидеть их днем, мы будем знать, что это просто безумцы, и уведомим шерифа, — заявил Полдер.

Они проговорили до поздней ночи, а следующим вечером у Бланш появился Клиффорд М. Его рассказ поразил ее, она сразу告诉了 своих друзей, и еще до рассвета они решили, что нужно сделать.

Клиффорд М. вел себя необыкновенно вежливо, обходительно и одновременно решительно. Он произвел на своих собеседников впечатление богатого человека, интеллигентного и образованного, питающего несколько эксцентричес-

кую уверенность в том, что вампиры существуют и предлагающего свое время и деньги для охоты на них. Поскольку они тоже склонялись к такой версии, то с радостью приняли предложение сотрудничать. Клиффорд М. детально описал им принципы своего поиска вампиров, пояснив, таким образом, что и как привело его к Бланш Телливер. Он выразил на-

* Киноактер, исполнитель роли Дракулы.

дажду, что обнаружение и ликвидация вампиров избавит людей от мерзких призраков и одновременно подтвердит, что его предположения не гросто каприз обесчеченного бездельника, не знающего, куда девать деньги и время.

Он сказал, что сам, поневоле подражая вампирам, ведет кочной образ жизни, занимается изучением вампиров много лет и овладеет телескопом, так что ему вполне по силам наблюдать ночами за подозрительным районом. Полдер и Ходж, как страстные охотники, могут воссружиться и прочесывать местность днем. Все согласилось, что это весьма разумное предложение.

С этого момента в рассказе наряду с документально подтвержденными фактами начинают появляться такие, подлинность которых не всегда стопроцентна. Однако все они основаны на вполне вероятных допущениях, соответствующих действительным событиям и в общих чертах передуют их точности.

Без малейших сомнений можно утверждать следующее: три дня Ходж и Полдер, одетые в красные куртки и фуражки, вооруженные охотничьими ружьями, гречесывали окрестности заброшенного дома, но безуспешно. Каждый вечер после возвращения с «охоты» они встречались с Бланш и Клиффордом М. и рассказывали о своих поисках. Затем Клиффорд М. докладывал о своих результатах ночных наблюдений после чего охотники огуллились спать, а Клиффорд М. (по крайней мере, так полагала вся троица) возвращался к себе, чтобы высмаргивать вампиров через свой телескоп.

НА ТРЕТИЙ вечер Клиффорд М. не явился на встречу, поэтому утром Ходж и Полдер пошли к дому, который он сжал на греча поисков. Дом был пуст, однако в дзержих терчал конверт, адресованный доктору Толлхерсу. Они немедленно отнесли его Бланш, которая вскрыла письмо и гронла короткое сообщение: «ОНИ ГНЕЗДЯТСЯ ПОД РУИНАМИ СТАРОГО ДОМА. ИХ ЧЕТВЕРО, А НЕ ТРОЕ. ВОЗЬМИТЕ КОЛЬЦО».

Из другого письма, написанного Клиффордом М. и доставленного доктору Бланш Робертсоном после окончания всей истории, можно узнать, что в действительности делал Клиффорд М. в эти теплые юльские ночи. Его рассказ предстает только скелет, который должен работать постарестеся облачь телом. Читатель сам вправе изредка корректировать его с помощью таких формул, как «можно предположить, что...» или «следует признать, что...»

Нет сомнений, что усилия Толлхерса, Ходжа и Полдера сказали Клиффорду М. огромную услугу и сэкономили ему массу времени. Трое исследователей установили район поисков с такой точностью, что его охота увенчалась успехом в первую же ночь, когда он отрядился к старому дому. Он оставил машину в нескольких милях от перекрестка и оставил дороги грешел пешком. Он был уверен, что сумеет гротратиться в историю, но не знал, как это делается; вероятно, техника трансформаций была одной из тех вещей, которым молодые вампиры учились еще в раннем детстве. Итак, он шел пешком по песчаной дороге, старательно прижмившись ко всем запахам. Он не был уверен, что сумеет опознать вампиров при непосредственной встрече, но надеялся, что в нем дремлет какой-то инстинкт, который сделает это возможным; не исключено, более всего в этом поможет именно обоняние.

Так и случилось. Когда неожиданный порыв ветра принес с собой тот запах, Клиффорд М. понял, что его многолетние поиски увенчались успехом. Единственно неожиданным был сам запах, точнее чудовищный, трудновособразимый смрад такой жуткий, что впервые в жизни Клиффорд М. почувствовал тошноту. Это был смрад гниющего мяса, старой тикки и разложения, отбросов и нечистоты, одним словом, истинный запах зла. Он содрогнулся от отвращения и страха: неужели он был действительно одним из НИХ! Клиффорд М. пошел на запах. Вскоре он увидел их: три бледных лица в тени, отбрасываемой старой каменной стеной. Они тоже узнали его посылку не атаковали и не бросились бежать.

Приписывание вампирам человеческих чувств является уступкой антропологическому фантазированию, но можно не сомневаться, что до сих пор Клиффорд М. испытывал только желание, беззвезд и неуверенность. И только когда почувствовал запах, а тем более увидел их, его охватило не-

удержимое отвращение. Он греческо поймал, что смотрит на них взглядом, сформированным человеческими стандартами, что должен оценивать их с другой точки зрения, но сделать этого он не мог. Вампиры были грязные, невероятно грязные, покрытые мерзкими многолетними отложениями. Потрепанная одежда гротиталась старой, раскошшей грееью, волосы сплелись от грязи, а длинные ногти были совершенно черными и кривыми, словно когти.

Первым заговорил один из самцов. Клиффорд М. не понял ни слова: это не походило ни на один из языков, с которыми он сталкивался.

— Не понимаю, — сказал он. — Вы говорите по-английски!

— Ну, ясно. Ты кто? Почему не говоришь по... снова непонятное слово.

— Я воспитан среди людей, — ответил Клиффорд М. — Никогда не слышал вашего языка.

— Где остальных!

— Нет никаких остальных. Я один. Поэтому и хотел вас найти.

Воцарилась тишина. Стрзшилища переглянулись, потом посмотрели на него. Их ступевшие мозги пытались что-то осмыслить. Что-то новое и непривычное. Наконец тот же самец спросил:

— Больше нет!

— Нет.

— Мы тоже не знаем других. Долго ищем, но нет. Пожалуй, уже ость только мы.

Это был сильный удар. Только сейчас Клиффорд М. понял, как сильно ему хотелось найти общество таких, как он сам, подобных себе и... и, конечно, самку, самку... Но эти...

— Ты ел! — спросил самец.

— Нет. Сегодня еще нет.

— Так идем. Они пойдут на север, а мы на юг.

Захлопали большие грилья негротырей, и второй самец вместе с самкой исчезли, словно их и не было.

— Я не могу это сделать, — сказал Клиффорд М. — Не знаю, как. Подожду здесь. Я ел вчера.

Он вернувшись за час до рассвета.

— Нгр большая, как раз для нас. У тебя есть своя!

— Да, — ответил Клиффорд М. — Пожалуй, я пойду.

— Хочешь разок, пока не ушел! — спросила самка, задирая до шеи подбор чудовищно грязной юбки.

Вот он, объект многолетних поисков... Он взглянул на покрытое слоем грязи тело, почувствовал ее запах, и вдруг вожделение, клубившееся в нем шестьдесят лет, сменилось омерзением.

— Нет, — ответил он. — На сегодня.

Она что-то сказала на своем странном языке; один из самцов хрюкнул и скрылся в темноте за развалинами стены, а второй молниеносно погрил ее. Некоторое время они копулировались (как животные), без малейшего следа чувственности или эмоционального возбуждения, после чего поднялись и пошли следом за первым самцом, но сказал Клиффорду М. ни слова. Он нагррвился к своему автомобилю.

На следующую ночь он стпрвился на охоту, которую удалось успешно закончить еще до полуночи, после чего вернулся к урчию вампиров и застал их неподвижно сидящими под пульсвализацией стеной. Вчерашней еды должно было хватить на много-много дней. Теперь он мог поговорить с ними и узнать все о них и о себе.

— Как вас зовут! — спросил он.

Некоторое время было тихо. Потом самка сказала:

— Зовут.

— Да, как вас зовут!

Снова тишина, потом один из самцов:

— Не помню. Неважно.

Клиффорд М. решил попытаться еще раз.

— Сколько вам лет!

Молчание. Наконец:

— Много.

— Но как много!

— Не помню.

— А какое самое старое событие вы помните!

Долгое, очень долгое молчание. Потом самка:

— Тот ребенок, которого разбудил телефон. Пришлось убраться.

— Иногда они просыпаются, — добавил один из самцов.

— А что-нибудь случашееся раньше! Когда еще не было телефонов. Например, какие-нибудь войны или кто был президентом?

— Нет. Не понимаю чего ты хочешь!

Он попытался с другой стороны.

— Давно вы здесь спите?

— Недавно

— А откуда пришли! Почему перебрались именно в это место?

Они плохо справлялись даже с одним вопросом, а два им было вообще не под силу. Никто даже не пытался ответить.

— Вы жили когда-нибудь в настоящем доме вместо этой дыры! — упорно продолжал он. И с ужасом вообразил, как они выглядят погруженные в дневную спячку, скривившиеся в сырой темной норе.

— Когда-то у нас был стол со скатертью, приборами и настоящими свечками, — сказала вдруг самка.

— Продолжай, — ободряюще прозвучал Клифффорд М.

Однако это был единственный проблеск. Когда молчание стало затягиваться он попробовал им помочь.

— А где вы еще жили!

— В пещере, — сказал самец.

— Ага, в пещере, — подтвердила самка.

— Помните, где это было!

Никакого ответа.

— Может, рядом был какой-то город!

— Кэйсборо — сказал один из самцов, как обычно, после долгой паузы — Кажется, Кэйсборо.

Клифффорд М. знал этот городок, расплывавшийся на границе лесов, в которых он жил когда-то как дикий ребенок.

— У вас были когда-нибудь дети!

— Убили! — прэнзительно гужнула самка. — Убили их!

— Да, — повторил самец. — Убили.

— Кто! Когда!

— Мы спали. Они их убили. Мы нашли. Может, один удрал. Не знаем. Мы пошли в эту дыру.

У Клифффорда М. мелькнуло подозрение, что эти отравительные существа не просто его сородичи, а, возможно, родители. Одновременно он понял, что с течением времени будет все больше уподобляться им, пока, наконец, почти бессмертное тело переживет стареющий мозг, и он станет таким, как они, спящие днем в какой-нибудь сырой дыре, ночами сходящихся на людей, а после кровавого пиршества тупо ждущие восхода солнца, который загонит их обратно в укрытие.

— Я должен идти, — сказал он. — Вернусь завтра.

Никто ему не ответил.

О КОЛО десяти утра Бланш, Ходж и Полдер прибыли к руинам старого дома, подготовившись к уничтожению вампиров. У них были с собой лопаты, боты, фэнэри, восемь острых деревянных колышек, различные молотки, несколько экземпляров Библии, чеснок, револьверы и сружия. Все это снаряжение находилось в полугрузовичке Ходжа, который он подогнал к самой стене разрушенного здания.

— Где начнем! — спросил Ходж.

— Изнутри, — ответила Бланш.

Они вошли через гробом в стене. Внутри мешанина полочных потолочных балок, мусора, сгнивших досок, мох и пыль. Лужи коричневой жижи, мухи.

— О, Боже, — гротонал Полдер. — Где тут начинать!

— Пожалуй, от стен, — задумчиво сказала Бланш. — Они должны быть там, куда никогда не попадает солнце. Посмотрите, нет ли вокруг какой-нибудь дыры. Только осторожно!

Спустя пять минут Ходж нашел то, что они искали: дыру диаметром в два фута, старательно прикрытую обломками досок и ветками.

— Нужно расчистить свободный проход, — сказала Бланш. Они принялись за работу.

— Этого должно хватить, — сказал через некоторое время Ходж. — Дайте мне фонарь.

Он пошел в глубь темного тоннеля и тут же отпрыгнул как ошаренный.

— Один прямо у входа, — прошептал он. — Максимум в ярде от меня.

— Ну так вытаски его.

— Только не руками! Дайте багор! Он лежит головой к входу, значит, можно будет зацепить его за плечо. Бланш, поддержи фонарь.

Тело без труда удалось вытащить из тоннеля, и оно, перевернувшись, прокатилось несколько футов по расчищенному уклону.

— Клиффорд М.! — воскликнула Бланш. — Это Клиффорд М.!

— После его письма этого следовало ожидать, — заметил Ходж. — Он написал, что их четыре, а не три. Именно это...

Тут из дыры потянуло чудовищным смрадом, и Ходж замолчал на полуслове: его и Полдера вырвало. Бланш, по роду занятий хоть и привыкшая к разным запахам, побелела как полотно.

— О, Боже! — с трудом выдавил Ходж. — В жизни не встречал ничего подобного!

— Это вампиры, — сказала Бланш. — Принимаемся за работу. Чем раньше... Боже мой, вы только взгляните на него!

Под лучами солнца ладони и лицо Клиффорда М. мгновенно покрывались быстро растущими волдырями.

— Накройте его! — закричала Бланш. — Накройте чем-нибудь немедленно!

— А как нам добраться до остальных! — спросил он.

— Копать! — сказал Ходж. — Разве кто-то желает ползти внутрь по тоннелю!

Когда они вскрыли все укрытие, было четыре часа пополудни. Первой пребрала потолок небольшой камерки лопата Полдера. Внутри, свернувшись в грязный потный клубок, лежали три вампира. В своем убежище они находились вне досягаемости солнечных лучей, но как только туда проник свет, кожа вампиров покрылась отвратительными волдырями.

— Фреж, принеси колья, — хриплым от усталости голосом сказал Ходж. — Я возьму молотки.

Каждый молча взял в одну руку заостренный деревянный кол, в другую — молоток. Они положили вампиров на спину, примерно в ярде один от другого. Бланш склонилась над самкой, мужчины над самцами, приложили им колья к груди и ударили одновременно, как по сигналу.

Из уст вампиров вырвался пронзительный вопль, настолько нечеловеческий, что мгновенно исчезли все сомнения и угрызения совести, которые, возможно, еще оставались у друзей. Они ударили раз за разом, пока тела не были пробиты насквозь.

Вслед за физической смертью тел последовал распад. Он протекал в соответствии с описаниями, встречающимися в литературе: сначала красное влажное расцветивание тела, потом высушивание, схватие и, наконец, превращение в прах самих скелетов. Хватило нескольких минут, чтобы от вампиров осталось лишь ворох воющего тряпья.

Полдер и Ходж собрали тряпки лопатами и присыпали слоем земли. Тем временем Бланш встала над телом Клиффорда М., задумчиво глядя на прикрытую брезентом фигуру.

— Можем ли мы быть полностью уверенными! — спро-

сила она, когда двое мужчин подошли к ней

Ходж слегка приподнял брезент. Солнечный свет пролился на лице Клиффорда М. колоссальные опустошения волдыри сошли, гнившее мясо высохло и затвердело, местами отгалились целые куски кожи, отрывая красные набухшие язвы. Казалось, что люди смотрят на кусок высохшей, потрескавшейся от старости древесной коры.

— А ты как думаешь! — вопросом на вопрос ответил Ходж.

Бланш не ответила.

Когда деревянный кол вошел в его сердце, Клиффорд М. издал тот же страшный ржк, что и его сородичи, но его тело не рассыпалось в прах, как остальные.

— Неужели мы ошиблись! — прошептал Полдер. — Неужели он был все-таки...

— Человеком! — закончил Ходж. — Наверняка нет. Смотря, что сделало с его лицом солнце. Те рассматились в прах только потому, что были очень старыми. Этот гораздо моложе. Может, был даже так молод, как выглядел. Но он был одним из тех. Не понимаю только, почему он это сделал... Можно сказать, он совершил самоубийство. И почему оделся перед этим в смокинг! Думаю, надо похоронить его.

Спустя два дня Робертсон принес письмо, адресованное доктору Толливер. Оно и до сих пор у нее. Пишущий эти строки видел его собственными глазами и получил разрешение на публикацию обширных его фрагментов. Ценность документов заключается в том, что это единственное подлинное признание вампира, о котором мы знаем. Клиффорд М. не был, разумеется, типичным вампиром; если бы мы располагали признаниями рядового вампира, они были бы просто бесценны.

«Встреча, к которой я шел много лет, встреча, в результате которой, как я верил, обрету знание о себе и обществе подобных себе созданий, доказала, не оставляющим сомнения способом, что я совершенно один — по крайней мере, в смысле психическом — не являюсь ни вампиром, ни человеком и тем самым не имею надежды обрести когда-либо покой и утешение. Я родился как существо, отличное от человека, и таким оставался, но меня воспитали как человека, и в мыслях своих, и в способе познания мира я — человек. Моя трагедия заключается в том, что, перестав быть одним, я не стал другим.

Я хотел бы быть человеком. До встречи с этими жалкими существами я считал, что все мои братья — элитные, уважаемые люди с несколько необычными ночными привычками и довольно своеобразной диетой. А встретил чудовищ, совершенно чуждых мне. Я не смог бы жить среди этих созданий, лучше присоединиться к стае гиен. И все же я знаю, что являюсь одним из них, и когда-нибудь стал бы таким же, как они.

Итак, я решил закончить все здесь и сейчас. Если вы читаете эти слова, значит, произошло то, что должно было произойти, и вы освободили мир от опасных отвратительных паразитов. Я имею в виду троих моих... коллег, поскольку сам еще не опасен и, надеюсь, не отвратителен. Но рано или поздно пришла бы и моя очередь. Через какое-то время, может, двести, а может, и триста лет — мозг бы начал отказываться повиноваться, а тело бы жило дальше, с каждым годом становясь все более ужасным.

Я решительно предпочитаю конец. Пойду к старому дому и скажу своим сородичам, что решил присоединиться к ним. Они наверняка скажут, что в их укрытии нет места, а я отвесчу, что проведу эту ночь в вездущем к нему тоннеле. Если я правильно оценил вас, доктор Толливер, а также ваших коллег, еще до захода солнца вы избавите меня от каких-либо жилищных проблем.

Вероятно, вас удивит мой наряд. Я решил надеть свой лучший костюм. Он был сшит еще тогда, когда я спокойно мог посещать портного для примерки. Далекие студенческие годы... Что я доказываю, облачась в него! Вероятно, это последняя попытка дать вам понять, что, хотя я такой же, как эти создания, но вместе с тем иной, лицу себя надеждой, что лучше.

Я не могу быть человеком и не хочу быть тем, кем являюсь.

Прощайте.

С уважением

Клиффорд М.

Пер. И. Невструева.

КУКЛЫ

ГЕРМАН
ДРОБИЗ

ФАНТАЗИЯ НА ИСТОРИЧЕСКИЕ ТЕМЫ

Художник С. ГРИГОРЬКИН.

лейшей степени не отвечать за его достоверность, он намеренно затушевывает возможность уяснить, когда именно происходили те или иные описанные здесь события. Читатель убедится, что в одном и том же эпизоде одни обстоятельства указывают на довоенные времена, а другие — на послевоенные; одни более характерны для начала тридцатых годов, другие — для их конца. Читатель да не будет раздражен этими противоречиями, а примет их как неизбежную условность. Возможно, когда-нибудь документы все-таки будут найдены, и тогда эта история предстанет перед нами в своей подлинности; скорее всего, она будет мало похожа на то, что вы сейчас прочтете.

2

Двойника Сталин завел случайно, во время отпуска, который он, как всегда, проводил на Черноморском побережье. Однажды ему доложили, что по окрестным городкам шляется жулик, внешне похожий на товарища Сталина и нагло эксплуатирующий эту похожость. Впрочем, на самом деле речь должна была идти об одном-единственном случае, да и тот не нес в себе никакой корысти со стороны проходимца, а был всего-навсего розыгрышем. Но розыгрышем, надо отдать должное, довольно дерзким.

Этот жулик был грузин сорока с небольшим лет, изрядный хитрозан, с авантюрным складом ума и характера, что приводило его как к большим успехам в жизни, так и к кокрушительным поражениям. Смолоду он занимался фискаловыми аферами, но сторонился политики, и поздно понял свою ошибку. Ныне, когда нэл был ликвидирован и, судя по всему, касегда, любые предприятия становились невозможными без контакта с партийной властью; путь же к партийной карьере при его биографии был ему прочно закрыт; впрочем, что значит — прочно, если он всю жизнь только тем и занимался, что преодолевал, казалось бы, неодолимые препятствия; но следовало все хорошенько обдумать и принять решение: на время залечь на дно и надеяться на более благодатные времена, или поверить, что жизнь изменилась необратимо и начать внедряться в руководящие слои; или вообще смыться в другие страны. За его плечами были и стремительные обогащения, и отсижки в тюрьмах; последние годы он был на свободе, не попадался, но и не срывал большого куша и постепенно попросту беднел. У него — редкий для кавказца случай — не было семьи, и его единственной заботой было собственное благополучие.

К моменту нашего рассказа хитрозан — будем его так называть, ибо имя и фамилия его нам неизвестны — прибыл на побережье, чтобы восстановить душевное равновесие после ряда неудач и решительным образом обдумать дальнейшие планы.

Поначалу он только отдыхал. Он купался в море, гулял по набережной в белом чесучовом костюме, присматриваясь к женщинам; подолгу сидел за стаканом вина в прибрежных рестораничках. В одном из них он и встретил давнего приятеля, с которым когда-то, лет десять назад, обтяпывал ковакакие дела. Ныне приятель оказался ни много ни мало председателем колхоза, чьи виноградники были разбросаны по окрестным склонам. По случаю встречи было выпито несколько бутылок сика, и чем дольше длился товарищеский пир, тем громче новониспеченный председатель нахваливал перспективы колхозного строя, политику партии и мудрость ее вождей.

Хитрозан молча прихлебывал вино, а приятель рассказывал о совещании районного актиса, на которое пришел сам товарищ Сталин.

— Откуда он тут взялся! — спросил хитрозан.

— Как откуда! — удивился приятель. — Неужели тебе неизвестно, что он сейчас отдыхает здесь, рядом, на правительственной даче! Между прочим, наш виноград идет у них к столу. По его личному сыбору!

1

ИЗЛОЖЕННУЮ ниже историю трудно назвать достоверной, и даже не слишком проникательный читатель быстро найдет в ней множество несоответствий и несообразностей; но автор и не скрывает их. Если бы он имел дело с фактами, хоть сколько-нибудь подтвержденными документально, он, конечно, постарался бы просерить их: таким ли в точности был в то или иное время состав руководителей, поднимавшихся в президии на Магзелей; кто, где и когда на самом деле подбирал двойников, где они конкретно содержались, каковы были их фамилии; действительно ли трибуна Магзелей была оборудована системой прослушивания и т. д. и т. п.

Но так как никаких подтверждений не имеется и автор не обладает ни одним документом, ни одним письменным свидетельством и не представляет, где бы мог их раздобыть — он поступает противоречивым образом: чтобы лишний раз подчеркнуть легендарный характер сообщения и ни в ма-

Печатается в сокращении.

— Хороший вкус у товарища Сталина, — заметил хитрован. — Раньше наш виноград шел к царскому столу.

— Слушай, — горячо зашептал председатель. — Не надо! Не так думаешь. Я его, между прочим, впервые увидел своими глазами. И сразу полюбил. Скромный, приветливый человек. И очень умный. — Председатель окинул хитрована умиленным взором и вдруг всплеснул руками. — Слушай! Только не падай. Знаешь, что я тебе скажу! — Он огляделся. Компания за соседними столиками не обращала на них ни малейшего внимания, но председатель понизил голос. — Ты на него очень похож. Очень! Конечно, извини, не умом. И не скромностью. Но внешне. О-фу! Прямо страшно глядеть. Слушай, я тебя прошу — встань, пройдишь.

У хитрована, до того пребывавшего в состоянии задумчивости, мгновенно пробудилась та авантюрная жилка, которая составляла суть его характера.

Он поднялся из-за стола, прошелся к выходу, как если бы пожелал обзореть окрестности; затем неспешно вернулся на место и посмотрел в глаза приятелю строго и пристально — как в его представлении должен был смотреть в глаза людей глаза партии большевиков.

Сталин тогда был уже широко известен, но портреты его еще не пострели по всей стране, не были еще обязательным украшением всех кабинетов и учреждений, всех присутственных мест, не печатались в календарях и на плакатах. Что касается газетных фотографий, на которых руководители страны порознь или группами выступали на митингах и конференциях, посещали колхозные поля или всюду начавшиеся стройки — хитрован никогда не вглядывался в эти нечеткие изображения.

— Ужас!.. — прошептал приятель, когда хитрован вернулся за столик. — Лицо, фигура, походка — копия! Я тебе скажу: зади сейчас в райком, в горком — сразу услышишь: «Здравствуйте, товарищ Сталин!».

— А, думаешь, не зайду! — воспламенился хитрован. — Вольному и зайдю.

— Ты что! Я пошутил, — испугался приятель. — Зачем это тебе! Похож и похож. Мало ли кто на кого похож. Наоборот, я тебе скажу, тебе лучше отсюда уехать. Поверь, так будет спокойнее.

Хмель ударил в голову хитровану.

— А вот возьму и зайду! Если похож — надо же этим воспользоваться. Ты меня знаешь: у меня ничего не пропадет.

— Но что ты с этого будешь иметь, кроме больших неприятностей!

— Э... — Хитрован опрокинул очередной стакан. — Ты меня совсем забыл. Я иногда сначала думаю, а потом делаю. А иногда сначала делаю, а потом думаю... Идем!

Он поднялся из-за стола, на ходу расплатился с официантом и решительно зашагал к центральной площади, к зданию горкома. Приятель плелся за ним и отговаривал от дерзкого поступка, но тщетно.

В виду горкомовского здания приятель схватил хитрована за рукав и потащил было обратно.

— Пошел вон! — стрыкнулся хитрован, вырываясь.

Приятель поляпился, вертя указательным пальцем у лба. — Не беспокойся, я в своем уме, — самоуверенно заявил хитрован. — Говори, как зовут первого секретаря. Ну!

— Гурулия... Бахтанг Гурулия... — пролепетал приятель и побежал прочь.

Хитрован спокойно вошел в здание горкома, прошествовал в приемную первого секретаря, кивнул секретарше; вошел в кабинет, посмотрел на человека за столом и негромко сказал:

— Здравствуй, товарищ Гурулия! Гуляю тут по твоему городу, решил зайти.

— Здравствуйте, товарищ Сталин! — вскочил из-за стола Гурулия. — Прикажете собрать аппарат!

— Обязательно собрать, — ответил хитрован.

После энергичной беготни секретарши через несколько минут весь аппарат собрался в кабинете и замер в неясном ожидании. Товарищ Сталин, однако, был настроен хорошо, как и полагается человеку на отдыхе. Он попросил рассказать, кто чем занимается, честно доложить о недостатках в текущей работе.

Приняв отчет, он сделал несколько наставлений общего характера и, превозмогая всем аппаратом горкома, вышел на площадь, где его уже ждали люди с правительственной

дачи вызванные срочным звонком, приятеля. Руководил ими начальник личной охраны Сталина, у которого хватало ума не арестовывать самозванца на глазах у горкомовцев и прессы. Со стороны сцена выглядела вполне гогично: товарищ Сталин, поскольку ему так пожелалось, прогулялся по городу в одиночестве, а теперь отправляется куда-то в сопровождении своей охраны...

Узнав, что он похож на Сталина, и убедившись благодаря успешно проведенной встрече в горкоме, что похож весьма и весьма, хитрован все же не до конца представлял, до какой именно степени он похож на одного из вождей. Не представлял себе этого и Сталин. Когда хитрована привезли на дачу и подвели к Сталину, сидевшему на веранде за бокалом сухого вина, оба они, встретившись взглядами, вздрогнули. Это была не просто похожесть, а что-то более сильное. Карко-то мистическое совпадение не только черт лица и пропорций фигуры, но и тех признаков душевного устройства, которые обычно выражены в осанке человека, его жестах, в его манере смотреть и говорить.

Лишь две разницы можно было заметить: одну сразу, а другую — после детального изучения хитрованской физиономии.

Разница, замечаемая далеко не сразу, заключалась в том, что на лице хитрована не было рябоватых оспин, оставленных у Сталина перенесенной болезнью. Но кожа у него была нездоровая, неровная, и какая-то естественная рябоватость почти в точности повторяла приметку сталинского лица.

Очевидная же разница состояла в возрасте хитрована, заметно уступавшем возрасту вождя.

Как замороженный смотрел Сталин из самого себя, каким он был примерно к концу гражданской войны. Невольное волнение охватило его на минуту: перед ним был он сам в том возрасте, когда его выбрали генсеком и когда он начал понимать скрытые возможности этого поста, но, разумеется, еще и отдаленно не предполагал, сколь успешно воспользуется ими к сегодняшнему дню.

Но Сталин не был бы Сталиным, если бы слишком долго предавался сантиментам.

Следовало быстро и однозначно решить судьбу этого не-прешенного близнеца.

— Сбрызть усы, изменить прическу и передать в руки органов советского правосудия, — произнес Сталин, адресуясь нежно голубеющему, залитому солнцем пространству за пределами веранды. — Надеюсь, попытка подрыва авторитета партии большевиков и Советской власти будет оценена по достоинству.

Внезапно он поднялся мягким слитным движением и, весело прищурясь, обратился непосредственно к близнецу:

— Не бойся, кацо. Я бывал в Сибири. Нам, южанам, там немного холодно, но можно потерпеть.

— Знаю. Я тоже бывал, — без малейшего испуга ответил хитрован, и окружающие, не говоря уж о самом товарище Сталине, были неприятно поражены сходством голосов.

Наступила пауза.

— Рако вернулся! — резко произнес Сталин, взбешенный демонстративным спокойствием нагльца. — Второй раз вернешься не скоро и не с этим лицом. Если вернешься...

Сказав это, он покинул веранду и ушел внутрь дачи.

Начальник охраны от души двинул хитровану под ребро. Распоряжения товарища Сталина следовало выполнять немедленно и в той последовательности, в какой они были произнесены. На даче имелся постоянный парикмахер. Начальник охраны повел к нему хитрована по дорожкам, то посыпанным чисто просеянными песком, то выложенным из битого кирпича густо-бордового оттенка, среди цветущих и благоухающих кущ, из недр которых время от времени падали крупные белые или розовые лепестки, красиво выглядя и на золотистой глади песка, и на бордовом фоне кирпичной крошки. Казалось, милосердный господь нашел справедливым одарить хитрована несколькими минутами пребывания в раю перед долгим путешествием в ад сибирского лагеря.

Хитрован, в полной мере ценя господнее великодушие, наслаждался зрелищем цветущей природы, полной грудью вдыхал настоящий на травах воздух и шагал уверенно и неторопливо, как свободный человек.

«До чего похож, сволочь! — не переставал изумляться начальник охраны, искоса поглядывая на лик хитрована. — Даже жалко портить...»

И когда хитрован уже был усажен в кресло, и парикмахер принялся править бритву на широком лоснящемся ремне, в голову начальника пришла мысль.

— Погоди! — остановил он парикмахера. — Жди меня и ничего не делай.

Выслушав начальника охраны, Сталин нахмурился. Он нахмурился не оттого, что мысль не пришлась ему по вкусу. Наоборот, она понравилась ему. Но ему не понравилось, что дельная мысль пришла в голову другому. Тем более, такому ничтожеству, как охранник. Пусть даже и самый главный. Вождь не любил, когда кто-то первым находил выгоду там, где он не успел или вообще не догадался ее обнаружить.

— Я и сам подумал об этом, когда увидел его рожу... — товарищ Сталин осекся, поняв, что невольно назвал «рожей» и свое собственное лицо, но он никогда не признавал за собой ошибок и потому не только не поправил себя, но и повторил: — Эту глупую рожу... Но я посчитал, что это будет нескромно по отношению к моим товарищам по партии. Тем более, что партия и так дале мне надежную охрану. Или не очень надежную, судя по вашему предложению!

— Товарищ Сталин, — обиделся начальник охраны, — но ведь у вас нет конкретных претензий к нашей работе!

— Кхэ... Если бы были конкретные... — усмехнулся товарищ Сталин, и охранник побледнел, в мгновение представив себе, где он окажется, если у товарища Сталина возникнут конкретные претензии.

— Впрочем, — мягко произнес Сталин, — я посоветуюсь с товарищами. Если товарищи посчитают, что это допустимо... Что это — в интересах партии...

4

Так у товарища Сталина появился двойник. Он был помещен на уединенную подмосковную дачу, где жил под тщательной охраной и сатанел от безделья. Он понимал, зачем оставлен в своем облике, но не понимал, почему ему не дают работать.

Время от времени его навещал начальник личной охраны Сталика. Что-то притягивало его к этой безупречной копии Иосифа Виссарионовича. Приезжая на секретную дачу, он проверял состояние охраны, после чего садился с двойником за обеденный стол и под хорошую закуску распивал с ним бутылочку, а то и две.

— Скажи, друг, зачем я товарищу Сталину!! — горячился хитрован. — Почему не использует!

— Тебе здесь плохо! — отвечивал главный охранник. — Поят, кормят. Девочек нет — тут уж ничего не поделаешь. Нельзя тебя показывать посторонним, сам понимаешь.

Да, отсутствие девочек тоже приводило хитрована в бешенство.

— В темноте привези! — кричал он. — В темноте привези, в темноте увези. Ей глаза завяжи, а на меня маску надень. Читал такой роман — «Железная маска!» Вся жизнь человека в маске держали. Даже охрана не знала, кто такой. Привези девочку, начальник!

— Варит у тебя башка, варит! — хохотал начальник. — Маску, говоришь! А ей глаза завязать! Соображаешь... А что, может, и привезу.

— И передай товарищу Сталину — работать хочу!

— А вот это не твое собачье дело, — амиг становился серьезным начальник. — Понадобиться — вызовут. А не вызывают — значит, не нужен.

5

Да, товарищ Сталин долго не вспоминал о своем двойнике и, казалось, вообще забыл о нем. Время его было поглощено грандиозными планами социалистического строительства, а также окончательным завершением биографий его товарищей по партии. Постепенно товарищ Сталин помог завершить биографии всем, кому он пожелал помочь с этим важным для всякого живущего на Земле делом, и стал единственным и глубоко обожаемым вождем советского народа. Вспоминал ли он своих товарищей по партии! Разумеется. Но только в том плане, что, если бы он не помог им завершить их биографии, кто-то из них помог бы с этим делом ему. Заговоры и покушения чем дальше, тем чаще мерещились Иосифу Виссарионовичу. Он стал все реже появляться на людях. И людям даже нравилось, что он недосыпаем и негодим. Богу не прстало спускаться на землю. Бог сидит в Кремле и думает обо всех и за всех. Образ негаснущего окна за зубчатой стеной послужил источником вдохновения для многих талантливых поэтов и для тысяч бесталанных, а

наиболее одаренные из бесталанных даже раньше талантливых получили за это орден. Поэзия таит в себе немало загадок, и одна из них состоит в том, что есть образы, полноценному, задушевному, искреннему сопощению которых талант только мешает.

6

Но дважды в год, на Первомайской и Октябрьской демонстрациях трудящихся столицы, когда на трибуне Мавзолея по заведенной традиции стояло все Политбюро, все секретари Центрального Комитета, все маршалы, а также другие гражданские и военные руководители высокого ранга — вот тут народ не понял бы отсутствия Сталина. Возникли бы нежелательные слухи. Как минимум о болезни. Но вожди никогда не болеют, они вечны. Могли зародиться обиды: товарищ Сталин зазнался, он не хочет встречаться с возлюбившим его народом. Да мало ли что еще...

Нет, на Мавзолея стоять нужно было обязательно. Но тут-то и могли подстрелить. Конечно, ряды демонстрантов тщательно проверялись. Пройти через Красную площадь могли только достойные и надежные. В каждой шеренге был старший и два его помощника по краям — посторонний пристроиться не мог. И все-таки...

Однажды после Первомайской демонстрации, когда праздник продолжали на даче, все увидели, что Сталин не по праздничному угрюм. Наиболее же проницательный из соратников, Лаврентий Павлович Берия, углядел, что товарищ Сталин нервничает. Он понял причину сталинского настроения. Дело в том, что, когда по Красной площади проходила колонна одного из московских вузов, из шеренги выбежал молодой человек и швырнул в сторону Мавзолея букет белых, алых и розовых гвоздик. Букет пролетел подозрительно большое расстояние и упал к подножию Мавзолея, к ногам застывших на карауле кремлевских курсантов. Курсанты скопили глаза на упавший предмет, но, разумеется, не пошелохнулись. Охранники, схватившие букет, обнаружили, что в него вложен тяжелый рулон ватмана. Схватили, конечно, и молодого человека. Он оказался передовым студентом и комсомольцем, немного свихнувшимся от любви к товарищу Сталину. Он накатал товарищу Сталину письмо в стихах — поэму в несколько тысяч строк, каковые и переписал на бесконечный рулон четким полудетским почерком. Когда все разъяснилось и Сталина спросили, что делать со свихнувшимся комсомольцем, Сталин сказал, что пусть молодой человек продолжает писать патриотические стихи, но не в Москве, а где-нибудь севернее.

Ведь в цветах могла оказаться не поэма, а граната. Вот почему он с такой угрюмостью потягивал свое любимое вино и неприязненно поглядывал на соратников, уже согретых более крепкими напитками.

И тут Берия со свойственной ему проницательностью склонился к нему и тепло и негромко произнес:

— Зачем вам рисковать, товарищ Сталин! Зачем стоять три часа на Мавзолея, как мишень! У вас же есть двойник. Правильно я предлагаю, товарищи!

Некоторые соратники знали о двойнике, другие услышали о нем впервые, но все дружно поддержали предложение Лаврентия Павловича.

Хитрован дождался работы.

7

Когда на следующей, Октябрьской демонстрации соратники увидели рядом с собой на трибуне Мавзолея копию своего дорогого вождя, они испытали сложные чувства, весьма далекие от той дружной поддержки, которую они оказали предложению Лаврентия Павловича. Во-первых, они обиделись. А во-вторых, позавидовали. Ведь и каждый из них боялся покушения, каждый знал, какое немереное количество людей заставил ненавидеть себя, уничтожив их близких. На праздничном обеде, по мере его обычного перетекания в праздничный ужин, намеки соратников становились все откровеннее, и, отдавшись, наконец, от трезвости на достаточное расстояние, соратники осмелели и высказались вслух. Товарищ Сталин попал в двусмысленное положение: согласиться на просьбу соратников значило уравнивать их с собой, отказать означало, во-первых, дать понять им, что они ни в грош не ценят их берность, ибо не ценит их жизнь, и пристрелит их кто-нибудь — товарищ Сталин сильно не загорел; во-вторых, как ни крути, один фальшивый Сталин среди шеренги подлинных вождей — что-то в этом было позорнее великое имя вождя.

Товарищ Сталин согласился. На специальном совещании было решено известить двойниками для всех, кто удостоивается честь стоять на Мавзолее.

В следующий Первомай на Мавзолее стояли одни двойники, что кроме приятного чувства безопасности, принесло обидям ещё и дополнительное удобство: праздничный обед, перешедший в праздничный ужин, можно было начинать с утра, то есть с фазы праздничного завтрака. Кроме того, развлекательная программа застолья, до сих пор состоявшая из анекдотов и взаимного сплавания под неуспешным контролем генерального секретаря, должна была обогатиться любопытнейшим новшеством. В начале апреля Сталин вызвал Берия и мечтательно произнес:

— А интересно было бы послушать, Лаврентий что будут говорить эти ребята, стоя на Мавзолее. Как будут общаться. Технически нельзя тут что-нибудь придумать!

Трибуна Мавзолея была срочно оснащена тайными микрофонами, а линия от них проведена на ближайшую дачу. В кабинете Сталина и в столовой, кроме динамиков обычной радиотрансляции, появились новые динамики.

Однако, когда чудесным первомайским утром члены Политбюро заняли свои места за столом и, после первых церемониальных тостов за праздник солидарности трудящихся всего мира и за здоровье товарища Сталина, приготовились слушать трансляцию с трибуны Мавзолея, их ждало большое разочарование. Сначала в динамике раздался топот ног — двойники вошли на трибуну. Затем общая трансляция донесла до слуха членов Политбюро звуки начала парада, который принимал Ворошилов-2. Он и расставленные на Красной площади войска поприветствовали друг друга. Ворошилов-2 поднялся на трибуну. Члены Политбюро услышали шуршание бумаги. Затем Ворошилов-2 довольно похоже на оригинал престоющим голосом прочитал речь. грянул оркестр, парад загремел по брусчатке. Из тайных микрофонов более не донеслось ни звука. Через некоторое время Сталин велел проехать линию. Линия была в порядке. Двойники молчали. То же повторилось и во время демонстрации. Молотов-2 произнес речь. Двинулись ликующие колонны трудящихся. И вновь упорно молчали двойники. Максимум, что они могли позволить себе — глухое покашливание. Один из них, неизвестно кто, громко и противно чихал.

Это их поведение объяснялось довольно просто.

8

Первое время двойники, после того как были найдены приёмы, просмотрены и утверждены, содержались порознь, в полной изоляции не только от внешнего мира, но и друг от друга. Дни их были заняты до предела: врачебный осмотр, уход за внешностью, различные процедуры, тренировки. Отрабатывались все детали поведения оригиналов: жесты, улыбки, манера разговаривать. Так как личное общение с подлинниками поначалу было признано «нежелательным», двойники изучали настоящих вождей по фотографиям и кадрам кинохроники. С ними работали лучшие режиссеры — педагоги театральных вузов. Сначала с них взяли подписку о неразглашении, но потом Сталину этого показалось недостаточно, и режиссеры тоже перешли на отъединенный от общества образ жизни. Семьям сообщили, что они уехали в многолетнюю зарубежную командировку для развития революционного театра в странах Азии и Латинской Америки. Им было разрешено писать домой краткие письма, которые обнаруживались домашними в почтовых ящиках, и конверты имели четкие штампы Бомбея или Рио-де-Жанейро.

Мастерство ведущих педагогов оказалось наилучшим образом: по отзывам специальных наблюдателей все двойники — или, как их стали называть, куклы — выглядели убедительно, в Ворошилов-2 сидел на коне даже лучше, чем сам настоящий Ворошилов.

Но это их первое стояние на трибуне выявило неприятнейшую вещь: впервые увидев друг друга они страшно испугались. Чисто психологически каждый представлял себе остальных настоящих вождей. боялся общаться и разговаривать с соседями. Так молча они и простояли до конца демонстрации.

По Москве поползли слухи: накануне, дескать, Политбюро разругалось, причем настолько, что на трибуне Мавзолея в течение трех часов никто ни с кем не перемолвился словом. Назывались даже причины ссоры. В ходу было три версии.

По одной из них Сталин запретил Калинин жениться всто-

рой раз, заявив, что неблагоприятно заключать новый брак при живой жене, да еще сидящей в лагере. Меж тем все соратники, уже приглашенные Михаилом Ивановичем на свадьбу, потратились на дорогие подарки. Это еще было время — скоро оно закончилось, — когда только товарищ Сталин содержался на государственственный счет, а остальные вожди получали зарплату и за все платили, хоть и по особым, очень низким ценам. Но и зарплата у них была сравнительно скромная. Поэтому они были очень раздосадованы напрасными тратами на подарки и, конечно, резко высказали свое недоверие Калинин, который пригласил их, не согласовав вопрос в принципе с товарищем Сталиным. Но некоторые были на стороне Калинина, говоря, что Михаил Иванович еще не так стар, чтобы не иметь специфических мужских потребностей и что его желание удовлетворять их в рамках брака говорит о его высокой нравственности настоящего коммуниста. Словом, по первой версии, произошла общая размолвка, и как следствие, все дулились друг на друга.

По другой версии, гораздо более протрадушной, но и куда более охидной и язвительной, Сталин вдруг перед самым выходом на трибуну заявил, что некоторые члены Политбюро позволяют себе с утра пораньше согревательные напитки, в то время как простые трудящиеся идут по площадям абсолютно голодными. И кроме того, в прошлом году, на октябрьской демонстрации, согревшись в стылоз ноябрьское утро слишком основательно, многие болтали на трибуне неподобающую для торжественных минут чепуху, а Берия даже позволял себе сценивать прелесть проходивших мимо трибуны физкультурниц так громко, что это слышали кремлевские курсанты, замеревшие у входа в Илвичу. Сталин якобы заявил, что если он услышит от кого-нибудь хоть малейший запах, он непременно прогонит своего соратника с Мавзолея. Поэтому все отворачивались друг от друга, чтобы не дохнуть и не выдать себя, и старательно молчали.

И, наконец, по третьей версии, Сталин разгневался на Берия, соратники которого по ошибке арестовали и расстреляли вместо комбрига Александра Чмурова его полнотелую жену, одного из любимых певцов товарища Сталина. Товарищ Сталин очень любил под утро, в конце ужина, слушать, как Александр Чмуров поет «Варшавянку», «Смело товарищи, в ногу...» и другие революционные песни. Узнав об ошибочном расстреле, он ударил Лаврентия Павловича в присутствии других соратников и собственноручно разбил ему палец. Берия выместил обиду на тех, при ком был опозорен, и устроил им те или иные пакости. Вот почему все были так мрачны и необщительны на трибуне Мавзолея.

Разумеется, множество людей было быстро схвачено за распространение каждой из этих версий, и слухи постепенно прекратились. Но стало ясно: двойники должны хорошо знать друг друга, не дичиться, не замыкаться, активно и непринужденно общаться на глазах у масс — а для всего этого им следует жить вместе.

9

Двойников поселили вместе, и это имело скорые и наилучшие последствия. Уже через полгода, на октябрьской демонстрации, они вели себя на трибуне вполне по-свойски, непринужденно переговаривались, улыбались, приветствовали колонны трудящихся — словом, убедительно воплощали доверенные им дорогие образы. Слушать их, сидя за праздничным столом, было одно удовольствие. Так как им было строжайше приказано на трибуне называть друг друга только именами подлинников, в динамике раздавались: «Счастлав... Лазарь... Клим...». Подлинники покатывались со смеху. Они очень живо воспринимали шуточные перепалки, возникшие между куклами, их взаимные подковырки, и каждый болел за своего, как за любимую футбольную команду, а над другими подтрунивал: «Лаврентий, — говорил, — например, Сталин, — удивительно: у них не только внешность но и вкусы совпадают. Слышишь, как твой говорит о женщинах! Ты не узнавал, он тоже любит школьниц с толстыми ногами!» Так как в ответ товарищу Сталину шутить было нельзя, Берия отыгрывался на ком-нибудь другом: «Георгий — говорил он Мзленкову, — мои люди жалуются: не успевают раскармливаться твоего пупса. Он никак не может тебя догнать. Тебе надо посоветоваться с врачами. Может быть, что-то с обменом!»

«Лазарь, — спрашивал Сталин у Кагановича, — твой кто

по национальности!» С некоторого времени Каганович ни о чем так не заботился, как о том, чтобы вокруг него не было евреев и чтоб вообще все пореже вспоминали, что он еврей. И двойника он себе нашел из молдаван. «Молдаванин, Москф Виссарионович», — отвечал Каганович. «А тебе не обидно! Попроси Лазаря, тебе подберут человека твоей веры». «Не нужен мне человек моей веры, товарищ Сталин! — заверял Каганович. — Я убежденный атеист, вы же знаете. Я даже в детстве в синагогу не ходил, честное слово!» «Понимаю... — усмехался Сталин. — Не хочешь показать. Но ты переживаешь. У вас, евреев, особая тяга друг к другу. И тебе хотелось бы иметь человека твоей национальности. Но ничего не поделаешь, Лазарь, другого такого еврея, как ты, просто не существует. Еврейский народ не может родить нам второго Лазаря. Или не хочет».

«Клим, — говорил Сталин Ворошилову, — какого бравого парня тебе нашли. Есть мнение: на коне сидит лучше, чем ты. Мне бы его вместо тебя под Царицыном!» «А чем я был плох под Царицыном, Коба!» — обижался Ворошилов. «У те-

бя еще и с памятью плохо! — удивлялся Сталин. — А может быть, вас хотя бы сейчас поменять!».

Эта мысль, однажды высказанная им в порядке шуточного экспромта, очень полюбилась ему, и с тех пор он нередко, будучи недовольным, говорил тому или иному соратнику: «Может, нам твою куклу не только на Мавзолею поставить, но и в твой кабинет посадить!» И это держало соратников в дополнительном напряжении, потому что от товарища Сталина можно было ожидать чего угодно.

10

Впрочем, угрожая подобной заменой, Сталин в то же время не рекомендовал соратникам пользоваться двойниками где-либо, кроме ритуального стояния на Мавзолею.

— Не запрещаю, — говорил он. — Но не советую. Поскольку между советом и запретом Сталина разницы не было, рекомендация выполнялась. Но однажды Каганович вынужден был ею пренебречь: он попал в безвыходное положение. И кончилось это конфузом.

Шла осень, месяц октябрь. Каганович был занят сверх головы. На ряде железных дорог участились срывы перевозок народнохозяйственных грузов. Рано наступившая на Севере зима усложнила подачу порожняка на воркутинские шахты. На Коломенском паровозостроительном заводе затягивали обкатку нового сверхмощного паровоза «Октябрьская революция».

В спешке ежедневных дел нарком желдорпутей позже, чем следовало, вспомнил о немеркнущем событии, поджидавшем его, как и весь советский народ, в конце каждого года, — о двадцать первом декабря, дне рождения товарища Сталина. По завещанной самим Лазарем Моисеевичем традиции каждый год ко дню рождения любимого гождя полагалось сдавать новый участок Московского метрополитена. Как назло, дела Метростроя в этом году шли незаживо. Темпы были ударными только на бумаге, а под землей инженеры жаловались то на сыпучие грунты, то на избыточные воды, а рабочие — на плохой инструмент и ухудшившееся питание. Получив очередную сводку по Метрострою, нарком понял, что подарок всеюду может опоздать. Допустить это было невозможно, и он велел собрать митинг метростроевцев, на котором предполагал выступить сам.

Он уже заканчивал дела в кабинете, собираясь выехать на митинг, как вдруг позвонили из НКВД и сообщили о только что полученной анонимке. В ней говорилось, что среди рабочих Метростроя зреет нехорошее настроение, люди возмущены увеличением норм, участвующимися авариями — недавно в забое снова произошел случай со смертельным исходом. В коллектив вместе с недавно пришедшим пополнением затесались враги. На сегодняшнем митинге они готовят покушение на товарища Кагановича. Звонивший спросил, высылать ли бригаду НКВД или митинг будет отменен!

В подготовку покушения на его жизнь нарком поверил разом и безоговорочно. Он представил себе зал управления Метростроя, заполненный людьми, себя на трибуне и какую-то зловещую фигуру, встающую в рядах и вскидывающую револьвер... Да нет, это маловероятно. Чекисты сядут в каждый ряд и станут следить за каждым движением. Но и враги не лыком шиты. На строительстве метро сколько угодно взрывчатки. Зачем револьвер, если можно подложить динамит под трибуну. А то и под всю сцену. Он представил себе взрыв и себя, разлетающегося на куски... От страха и ужаса его бросило в пот... Надо отменить митинг. Легко сказать — отменить. НКВД гарантирует ему защиту — значит, он не доверяет НКВД! Если он не доверяет карающему мечу революции даже такую малость, как собственная жизнь, — что он вообще ему доверяет! А если это провокация, и никакой анонимки нет! Если это и есть проверка на доверие к органам! А что скажет, когда ему доложат, товарищ Сталин! Мало того, что товарищ Каганович проявил себя позорным трусом, а настоящий большевик не может быть трусом. Мало того. Но товарищ Каганович допустил создание контрреволюционной террористической организации, и где — в Метрострое, который имеет тонны взрывчатки и который роится под всей Москвой, в том числе в непосредственной близости от Кремля...

Нет, отменять нельзя. Нельзя, нельзя... И ехать страшно. Где же выход... Двойники! Даже если его пристрелят — какой энтузиазм вызовет у слабых строителей Метростроя известие о том, что товарищ Каганович выжил! Правда, если его на глазах у всего зала разорвет на куски... Что ж, страна

узнает о фантастическом мастерстве советских хирургов, беспредельно преданных большевистской партии. Враги же убеждаются в полной безнадежности своих попыток уничтожить руководимой партией страны социализма. Двойники! Конечно, товарищ Сталин не советовал... Но если покушения не будет, он может и не узнать о подмене. А если оно произойдет — неужели товарищ Сталин пожелает, что его верный Лазарь остался жив!

Зависевший из НКВД после большой паузы услышал спокойный голос наркома. Нет, стемнеть митинг не будем. Товарищ Каганович всецело доверяет бдительности органов.

Двойник и его личный режиссер-педагог были привезены более чем молниеносно. Молдаванин, довольно сообразительный мундик со столь же живыми и смуглыми, как у оригинала, глазами, все же был настолько ошарашен срочностью вызова и необычностью задания, что едва не впал в транс. Усилиями педагога он был мало-мальски приведен в рабочее состояние и уташил на митинг в автомобиле наркома, комкая в руках листок с краткими тезисами строго выстуления, наспех набросанными Кагановичем, — Лазарь Моисеевич собирался говорить импровизационно и набросал эти тезисы сторопях, в те полчаса, за какие двойник был доставлен к нему с подмосковной дачи. Шефяр Кагановича, убежденный, что совет своего настоящего хозяина, но без удивления прислушивался к его бормотанию, доносившемуся из-за спины, с заднего сиденья, и никак не мог понять, что за незнакомец сопровождает Лазаря Моисеевича: по виду явный недорезанный буржуй, интеллигент, с наркомом держится на равных и, более того, время от времени делает ему замечания, веля произнести в предстоящей речи то или иное выражение не так, а эдак...

Через два часа Кагановичу позвонили и сообщили, что митинг прошел успешно. Его приказ досрочно сдать участок был воспринят с должным энтузиазмом. Выступили тактично и заверили в том-то и том-то. Митинг от имени всего коллектива мастеровителей принял посыле позышенные обязательства.

На следующее утро, когда Каганович развернул «Правду» и увидел на первой полосе фотографию, на которой он выступает перед участниками митинга, он довольно ухмыльнулся. Но когда он прочел заголовок над репортажем с митинга, у него потемнело в глазах. Оказывается, нарком призвал Мастрострой сдать новый участок не к двадцать первого декабря, дню рождения товарища Сталина, а к 7 ноября, к очередной годовщине Великой Октябрьской революции! На полтора месяца раньше!

Вот таким роковым образом оказалось волнение двойника. Вызванный к наркому, он снова впал в транс и никак не мог отвести от отца перепугот два праздника.

— Не умоешь играть меня, сыграешь моего брата! — в гневе выкрикнул Каганович. — Сыграешь меня седьмого на Мавзолей, а дальше брата будешь играть!

Двойник стоял ни жив ни мертв, ибо что значило сыграть брата Кагановича, недавно расстрелянного наркома авиационной промышленности!

Однако судьба в лице товарища Сталина оказалась благосклонной и несчастному молдаванину. Седьмого ноября, во время праздничного ужина, великий вождь заметил угнетенное состояние обычно оживленного и говорливого Кагановича и осведомился о причинах его грусти. Каганович набрался мужества и рассказал, в чем дело.

— Ему не прощу, идиоту, это ладно. Но я себе не прощу, Иосиф Виссарионович, что не мог сделать достойного подарка к вашему дню рождения.

— Скажи, пожалуйста, Лазарь, — попросил Сталин, — я правильно прочел в сегодняшней «Правде», что вчера этот участок был действительно пущен в эксплуатацию?

— Да, Иосиф Виссарионович, — ответил Каганович и невольно вспомнил, чего это стоило. Ведь после публикации в «Правде» не могло быть и речи о перемене обязательств. Следовало выполнять безумный срок, объявленный двойником. На метро были переброшены самые опытные бригады с нескольких шахт подмосковного угольного бассейна — пришлось изрядно потереговаться с соответствующим наркомом. Были еще раз увеличены нормы. Усилено питание. Прекращены малейшие разговорчики о недовольстве — здесь оперативно помог НКВД. — Да, Иосиф Виссарионович. Вчера, или, можно сказать, сегодня ночью прошел первый поезд с

ударниками. А сразу после праздников по новому участку поедут все москвичи.

— Так что же в этом плохого! Пусть едут. Благодаря твоему дураку мы еще раз убедились: нет таких сроков, которые не могли бы одолеть наши рабочие.

— Иосиф Виссарионович, но сколько мы расширяем Московское метро, не было года, чтобы мы не преподнесли вам ко дню рождения новый участок.

— Э, Лазарь, — равнодушно махнул рукой вождь. — Чем ты хвастаешься! Разве это принято: из года в год приносить хозяину одию и то же! Подари мне в этом году что-нибудь другое. Подумай, что.

Двадцатого декабря газеты оповестили, что в честь дня рождения великого вождя советского народа и всего прогрессивного человечества закончена обкатка нового, самого мощного в мире паровоза. По горячему желанию всех тружеников завода машина дано имя «Иосиф Сталин».

— Спасибо, Лазарь, молодец, — похвалил его Сталин. — Вот видишь: не менее приятно, чем метро, и в то же время довольно неожиданно.

11

Как ни четок был режим, заведенный на даче, где содержались двойники, как ни строг был контроль за ними, но жизнь есть жизнь, и ото всего в ней не уберешься. Последнюю неделю перед выходом на трибуну двойникам было запрещено употреблять спиртное. Только в день праздника, вернувшись с Мавзолея на дачу, они могли за обильным столом отметить окончание очередного спектакля. Напряжение этих последних дней, чуть ли не круглосуточные репетиции привели к срыву. В канун Великого Октября Буденный-2 и Маленков-2 несedomым путем раздобыли водки. Поздним вечером, после отбоя они уединились в подвале, в бойлерном помещении. Ночью охранник услышал шум. Ворвавшись в бойлерное помещение, он застал кукло дерущимися. Причиной драки остались невыясненными. А ее результатами была треснувшее ребро у Буденного-2 и жуткий величины фингал под глазом у Маленкова-2. Буденному-2 наложили гипс, а двойник легендарного маршала выужден был утром, прелез могла боль, отправиться на трибуну. Но кроваво-черный мешок под глазом Маленкова-2 был так крупен и страшен, что замаскировать его не представлялось возможным.

Рано утром пришлось разбудить товарища Сталина. Чрезвычайно раздраженный неурочной побудкой, он выслушал сообщение о происшествии и немедленно принял решение — что ж... Пусть Маленков идет на трибуну сам.

За два года отсутствия на трибуне Мавзолея Маленков уже отвык от этого тревожного положения хорошо обозреваемой с большого пространства фигуры. Кроме того, его, конечно, унижало трехчасовое стояние вместе с жалкими подделками. Поэтому, когда он занял свое место в ряду псевдосератников, он так безрелигиозно вскинул голову, как если бы от соседей исходил дурной запах. Его демонстративное презрение было замечено.

Никто из них ничего не знал о ночном происшествии, а Буденный-2 благодушно помалкивал, как ему и было веляно, и они, естественно, никак не могли догадаться, что этот Маленков — настоящий. Понять это, взглянув на гладкое и чистое лицо Маленкова, мог бы лишь сам Буденный-2, но на беду он по заведенному порядку стоял далеко от маленковского места, да и вообще старался не смтреть в сторону своего ночного оппонента. Маленков же стоял, как ему полагалось, между Берия-2 и Мелстовам-2, а вслед за Мелотовым-2 стоял Сталин-2.

Надо сказать, что двойники, будучи от природы, а также благодаря усилиям парихмахера, дерматологов, диетологов, врачей и режиссеров абсолютно похожими на вождя внешне, лишь в стальных случаях походили на них характерами. Одним из таких совпадений был Буденный-2, буйный и горячий, как сам маршал. А Маленков-2, в отличие от подлинника, был жизнерадостный добродушный и довольно простецкий толстяк, эткий милый усачик. И ребро у Буденного-2, треснуло лишь стого что получил по морде Маленков-2, не умевший дратья, ухватил противника за поясницу и прижал к стене всем своим немалым весом. Обычно он был, повторим, добродушен весел, приветлив, и потому его угрюмость и разлительное отношение к соседям тут же было замечено. Раздалась шутка.

— Жора, чего грустишь! Некормленный, что ли! — толкнул его в бок Молотов-2, развязный малый, пустой и нагловатый болтуш, чем разительно отличался от оригинала.

Настоящий Маленков метнул на него гневный взгляд и процедил сквозь зубы:

— Молчи, подонок. Не забывайся, скотина.

— Вай, он же сегодня на завтраке не был! — воскликнул Берия-2. — Жорик, как друг тебе говорю: не приходите на завтрак в день Великого Октября — это политическая ошибка.

— Лаврентий, — обратился к Берия-2, Сталин-2 — хорошая ли кухня на Лубянке! Сможете ли вы прокормить Георгия Максимилиановича!

— Заткни хайло, придурок! — прорычал Сталину-2 взбешенный Маленков. — Ты у меня сам сейчас на Лубянку загремишь!

И, уже обратясь ко всем, выкрикнул:

— Обнаглели, сволочи!! Вы что, думаете, вас заменить нечем, дерьмо!

— Лаврентий, — сказал Сталин-2, — позвони, сообщи, что Жора заболел. Пусть придет медсестра и вклет что-нибудь в его жирную задницу. Я серьезно, Лаврентий.

И действительно, поведение коллеги было столь странным, что от кого можно было ожидать какого-нибудь скандала, который развернулся бы на глазах у тысяч людей, а уж НКВД не будет потом долго разбираться, кто начал.

Меж тем громосей хохот сотрясал стены столовой на сталинской даче, где разворачивался праздничный завтрак.

Соратники по главе с вождем, забыв о еде и питье, с наслаждением слушали герепалку, идущую на трибуне Мавзолея. Неведомые кукол относительно подлинности Маленкова и его идиотские положения среди них приводили слушателей потайной сети в полный восторг. Когда прозвучала обращенная к Берия-2 просьба Сталина-2 о телефонном звонке, все обратили свои взоры к Сталину: прекратит ли он мучения Георгия или сочтет возможным продлить трансляцию такого смешного спектакля!

Через минуту затрещал аппарат, стоявший возле Сталина. Сталин поднял трубку.

— Товарищ Сталин! Звонят с трибуны. Товарищ Маленков ругает всех в полный голос, грозитя и вообще может что-нибудь изтворить.

Сталин слушал, кивая с нарочитой серьезностью.

— Кто именно звонит!

— Берия-2.

Сталин сбросил участников застолья насмешливо-проверяющим взглядом. Все примерно представляли, о чем ему только что было доложено, и понимали, что Сталин ждет от них каких-нибудь предложений, но высказаться решился только Берия, то ли действительно друживший с Маленковым, то ли изображавший дружбу с ним по какой-то своей тайной надобности.

— Может, хватит, Иосиф Виссарионович! — произнес он, подчеркивая нерешительность своего предложения и тут же хихикнул. — Хотя, конечно, очень смешно...

— Передайте на трибуну, — сказал Сталин, — что среди них находится настоящий товарищ Маленков.

Застолье замерло в предвкушении замечательного финала. Динамик донес до них топот ног вернувшегося Берия-2 и его сдвоенный шепот, обращенный, видимо, к Сталину-2:

— Это он сам... настоящий...

Пораженный этим сообщением, Сталин-2 не смог произнести ни слова и послал в динамики сложный горловой звук, смесь задуманного выкрика с нервной зевотой.

— Товарищ Маленков... — прошептал Берия-2. — Извините... Я... Мы...

Меж тем Сталин-2, за секунду до возвращения Берия-2 взметнувший правую руку в жесте, знакомом миллионам советских людей, — что ему было предписано делать через определенные промежутки времени, — так и застыл, одетев от ужаса, в этой позе; благодаря чему сталинское приветствие получили действительно десятки праздничных шеренг.

— Опустит руку, дурак, — с удовольствием сказал ему Маленков. — Не в цирке.

Уходя с трибуны, Сталин-2, Молотов-2 и Берия-2 в страхе думали, что их тут же отвезут на Лубянку, но этого не произошло.

Когда настоящий Маленков приехал к праздничному завтраку, как раз в эти минуты переходящему в праздничный обед, Сталин сказал ему:

— Не надо было так нервничать. Они тоже люди, и у них есть свои слабости. Глупые куклы. Но тоже люди. Надо любить людей, это фундамент нашей внутренней политики.

Он налил себе вина, а Маленкову содки, чокнулся с ним, отпил глоток и добавил:

— Да, пожалуй, и внешней.

12

Впоследствии родилось мнение, что именно эта история послужила сюжетом к пивидации института 'двоичников: донельзя оскорбленный Георгий Максимилианович приложил все старания, чтобы добиться наказания наглых фигляров, и возбудил-таки в Сталине страх перед непредсказуемым поведением кукол на трибуне. Кто знает, что могли бы выкинуть на глазах у праздничной демонстрации эти обнаглевшие артисты, попривыкнув к имитации вождей!

Были и другие проблемы, связанные с существованием кремлевских двойников.

Дело в том, что, когда они были выбраны, встал вопрос: как их сформировать? Как назвать эту команду? На каких основаниях селить их в отведенном помещении, снабжать, платить зарплату? Поначалу возникла мысль зачислить их в охрану, но воспротивилась бухгалтерия. Кто-то предложил назвать их помощниками членов Политбюро, секретарей ЦК и прочих ответственных руководителей, но таковые помощники уже были и выполняли совсем иные функции. Вопрос оказался настолько сложным и деликатным, что постепенно стало ясно, что разрешить его может только один человек. И Сталин, когда ему доложили о проблеме, сказал:

— По сути, эти люди не что иное, как артисты. Артисты на чрезвычайно ответственных ролях. Как называется группа артистов, занятая общим творческим делом? Она называется — театр. Почему бы народному комиссариату внутренних дел не иметь свой театр, товарищи!

Однажды Сталину принесли на утверждение список актеров и режиссеров, которым было решено присвоить почетные звания народных и заслуженных. Сталин прихватил список на общий ужин на даче и обсуждал его вместе с соратниками за бокалом вина.

— Началов Василий Иванович, — читал Сталин. — Предлагается присвоить звание народного. Какие будут мнения, товарищи, об этом актере высокой культуры и, кстати, четкой идейной ориентации!

Сталин в этот вечер был в хорошем настроении. В том настроении, когда он любил шутить.

— Остужев Александр Алексеевич... Грандиозный трагический актер, не так ли, товарищи! Непревзойденный исполнитель роли Отелло. Если бы с такой страстью, с какой Александр Алексеевич душит Дездемону... — Сталин сделал паузу и внимательно посмотрел на Берия. — ...органы НКВД душили наших врагов!.. Великий артист! Но невежливый человек. Однажды я лично выразил ему восхищение его искусством, и что вы думаете! Он ничего не ответил мне и даже не повернулся в мою сторону.

— Да ведь он глухой, — незамедлительно откликнулся Берия, увидев возможность защититься от предыдущей насмешки вождя. — Ни хрена не слышит, дурак. В отличие от органов НКВД, которые слышат все, что говорится в стране.

— И этот наш разговор тоже! — еще более незамедлительно парировал Сталин. Берия смик.

— Александр Алексеевич заслуживает высокого звания, — сказал Сталин, — но немного позже. Подождем годик. Может быть, за это время у него улучшится слух...

Так, с шутками и прибаутками вождь шел по списку. Добравшись до исполнителей ролей в фильме «Ленин в 1918 году», он прочитал его слух раз и другой и выразил на лице некоторое недоумение.

— А почему, интересно, здесь нет актера, который так замечательно исполнил роль агента мирового империализма Бухарина! Большим мастерством надо обладать, товарищи, чтобы в относительно небольшом эпизоде так убедительно передать всю подлую сущность своего вконец изолгавшегося персонажа. Как, кстати, его фамилия!

К общему кофезу, к одному из участников застолья не смог вспомнить фамилию актера, воплотившего на экране образ подлнца Бухарина.

— Не смущайтесь, товарищи, — сказал Сталин. — Это закономерно. Как бы замечательно ни сыграл актер предателя революции, изменника священной дела рабочего класса, было бы идеологически неверно запоминать его и делать популярным. Его следует поощрять материально, но не более того. Актер, берущийся за подобные роли, должен сознательно идти на жертву; его нельзя будет публично хвалить за его пусть и незаурядное мастерство. Более того: ему после этого ни в коем случае нельзя будет поручать изображение положительных персонажей. Народ этого не поймет. Народ отождествляет актера и воплощенный им образ. И правильно делает.

Благополучно расправившись со списком, Сталин предложил тост за ведущих деятелей советского театра и кино, после чего неожиданно сказал:

— Немного странно, что мы так щедро вознаграждаем людей за изображение разных там ссколков дворянства в чеховских пьесах, а также разных там гамлетов и офелий. И

пусть даже за роли беззаветных, но рядовых большевиков в многих удачных пьесах советской драматургии. В то же время без всякого поощрения остаются актеры, воплощающие образы руководителей первого в мире социалистического государства. Это несправедливо, товарищи. Как будем выправлять положение!

Соратники смущенно переглядывались. Все поняли, о каких актерах с превеликой серьезностью говорит Сталин, но неясно было, следует ли в ответ, по достоинству оценив шутку вождя, рассмеяться и этим ограничиться, или Сталин действительно хочет что-то предпринять!

— Выправлять положение будем просто, — сказал Иосиф Виссарионович. — Нужно дополнить текст Указа. Примерно так. За высокохудожественное исполнение... высокохудожественное и реалистически убедительное... ролей в спектаклях на современную тему присвоить почетные звания актерам театра НКВД. Примерно так.

— Что мы им дадим, товарищ Сталин, заслуженных или народных! — спросил Шкирятов, редкий гость на сталинской даче, допущенный сегодня в связи с тем, что он в это время отвечал за расцуд культуры.

— А как вы сами думаете, товарищ Шкирятов!

— Разрешите, Иосиф Виссарионович! — обратился к Сталину Каганович. — Товарищи! Двух мнений быть не может: нашим — заслуженных, а вашему, Иосиф Виссарионович, — народного.

Сталин внимательно оглядел соратников и сказал:

— Вот почему, товарищи, Лазарь поставлен на строительство метрополитена: он лучше всех знает, в каком направлении надо рыть, чтобы выйти вовремя и в нужном месте!

Разумеется, часть Указа, посвященная двойникам, не появилась в печати. Но слух разнесся. В театрах Москвы реяли шепотки: Указ имеет закрытое дополнение, в котором почетные звания присвоены всем — всем без исключения! — никому не известным актерам никем и никогда не выданного театра НКВД. Ни один ведущий коллектив страны — ни Большой, ни Малый, ни МХАТ — не мог похвастаться, что его труппа сплошь состоит из актеров со званиями. Поистине, театр НКВД был небывалым театром! И потому, когда исчез Мейерхольд, естественным было распространение слуха, что он не арестован, а поставлен во главе театра НКВД; чтобы вести просветительную художественную деятельность в лагерях, приобщая подлые и заблудшие души врагов социалистического строительства к высокому свету лучшего в мире советского искусства сцены.

Что до мнения, согласно которому именно эти звания и привели к ликвидации коллектива двойников, то иначе как вздорным его не назовешь. Двойники якобы вообразили себя настоящими актерами и возгордились настолько, что потребовали поставить им, кроме стояния на праздничной трибуне, и другие спектакли, как то: созещание со стахановцами, встречу с деятелями литературы и искусства и даже заседание Политбюро! Чуть, разумеется, полнейшая ахинея и чужь.

13

Нет, окончательная судьба двойников не связана ни с присвоением им почетных званий, ни с кознями Маленкова. Решающим оказалось вполне определенное и весьма удивительное событие, о котором будет рассказано чуть позже. а первым тревожным звоном послужили полученные Сталиным донесения о неразрешенных двойниках, заведенных на периферии, за пределами Кремля и Москвы.

Да, как ни тщательно оберегалась тайна, она постепенно становилась известной то одному, то другому высокому партийному товарищу. Началась медленное, ползучее, но неостановимое распространение двойников по стране. Ими обязались высшие руководители некоторых союзных республик и даже одной автономной. А в ней нашелся один безмерно нахальный нарком, но побывавший приравнять безопасности своей персоны к безопасности вождей.

Спрочком, этот нарком, сделавший карьеру в маленькой южной республике, расположенной в горах, завел себе двойника вовсе не в целях безопасности, а по причине сколь пикантной, столь и житейской; можно сказать — по причине, возникающей у некоторых людей влюбые эпохи, о чем и свидетельствует эта история, напоминающая новеллы «Декамерона» незабвенного средневекового сочинителя Боккаччо. Дело в том, что нарком давно охладел к своей жене, с

которой когда-то вел совместную политработу на фронтах гражданской войны, и все более углублялся в шефство над местным драматическим театром, где благодаря его покровительству были созданы выгодные материальные условия, привлекая в эту отдаленную от столиц местность не признанных Москвою и Ленинградом актрис. Среди этих юных, но уже довольно опытных дам нарком и находил отдохновение от жены и от беспрерывных политических кампаний, которые он должен был проводить, чтобы вывести на достойный уровень республиканскую индустрию. Кампания проходила трудно. До революции здешнюю промышленность составляли два десятка голцарных мастерских, три салотопных производства, кожаненная фабрика и заводение по первичной обработке шерсти. В стремлении воздвигнуть настоящий индустриальный гигант правительство республики потратило уже изрядные средства, но гигант стоял недостроенным, а главное, было неясно, кто будет на нем работать. Местные жители из последних сил держались за свои отары курдючных баранов и тонкерунных овец и не хотели спускаться в долину и прикипать сердцем к глубоко чуждому им миру вагранок, прессов и кузнечных молотов.

Но если бы только проблемы индустриализации терзали его сердце! В своей республике он был трижды нарком, имея в подчинении, кроме тяжелой промышленности в виде недостроенного гиганта, еще и транспорт, и государственную безопасность. И если с транспортом особых трудностей не было по причине почти полного отсутствия такового в республике, то выкорчевывание на территории автономии троцкистских, националистических и прочих банд требовало круглоосуточных бдений. Возможность выезда в горы на субботу и воскресенье в обществе милых актрис была для него кратким отдыхом и желанным глотком свободы после адской круговерти в трех наркоматах. Разумеется, для жены эти выезды обставлялись как командировки в отдаленные селения для агитации горцев за переход в ряды рабочего класса или как инспекции отрядов НКВД, ведущих поиски предполагаемых повстанцев.

Выше мы писали, что он охладел к своей боевой подруге, и читатель, возможно, сделает из этого неверный вывод. Он подумает, что супруга наркома с возрастом сильно потеряла в темпераменте, что она постарела, обрюзгла, может быть, излишне растолстела — словом, перестала быть привлекательной женщиной. Нет! Более того. Отвлекаясь в юные годы обстановкой гражданской войны в сторону интенсивной идейной жизни, она именно теперь набрала максимальную женскую силу, которой была одарена от природы, и нарком, как ни странно, охладел к ней как раз потому, что не мог ее достойно удовлетворить. Странная, черт побери, причина! Тут, поскольку действие происходит в горной местности, напрашивается такое сравнение: альпинист, в молодости легко покорявший избранную вершину, впоследствии никак не может повторить свое слабое достижение; после ряда безнадежных попыток он, в конце концов, охладевает к избранной вершине и бросает утомленный борьбою взор на иные точки окружающего пейзажа, надеясь найти что-нибудь более подходящее для успешного восхождения по его сегодняшним реальным силам.

Это умозрительное сравнение грешит, конечно, одной существенной неточностью. В отличие от горной вершины, не властной над альпинистами и их железными, жена имела на наркома законные права и, несмотря на его крайнюю занятость и постоянную усталость, требовала безусловного и довольно частого выполнения супружеских обязанностей. Она бешено ревновала его к любым женщинам, а в особенности к приезжим актрисам. Поэтому выезды в горы, хоть и получали объяснение срочных поездок для ведения агитационной работы или для усмирения национальных страстей в отдаленных ущельях, постоянно сопровождался скандалами. Самыми мучительными были возвращения в понедельник, когда он должен был долго и утомительно отчитываться в результатах поездки и убедительно врать.

Вот почему, когда весте о двойниках московских вождей достигла здешних кабинетов и когда нарком получил деликатное поручение найти «кукол» партвождю автономии и председателю совнаркома, он подумал о замечательном выходе из безобразной ситуации. Он нашел «кукол» парным лицам, правда, но слишком похожим и потому непонятно на

что годящихся, но уж для себя постарался, как мог. Он привлек к обучению «куклы» свою возлюбленную актрису, и она оказалась толковым режиссером. Через месяц напряженных репетиций двойник походил на наркома не только внешностью и фигурой, но и всеми его повадками.

Настала очередная суббота, и нарком решил. Двойник должен был приехать в дом наркома поздней ночью с субботы на воскресенье, переночевать, на рассвете уехать по срочным делам и, вернувшись к полуночи, снова переночевать с воскресенья на понедельник, а на рассвете вновь уехать. Поскольку за трижды наркомом были закреплены два автомобиля — один по наркоматам промышленности и транспорта, а другой по наркомату внутренних дел, ему не трудно было на одном из них уехать с младой любовью в горы, а другой предоставить в распоряжение двойника.

Утром в понедельник он встретился с двойником в уединенном месте и с бьющимся сердцем ожидал его слов. Доклад двойника совершенно успокоил его и привел в восторг: супруга не выразила ни малейшего сомнения в подлинности приехавшего, как всегда, к ночи, усталого мужчины в запыленном френче и с тугим портфелем в руке. Она усадила его ужином, подала, как всегда, любимые блюда наркома...

— Ладно, — перебил нарком, — говори главное. Как было в постели!

— Товарищ нарком... — засмутился двойник.

— Ну! — грозно сверкнул белками нарком.

— Крепкая, — вздохнув, сформулировал двойник. — Но я вас, товарищ нарком... извините... но раз вы спрашиваете... считайте, я вас не подвел.

Так двойник стал заменять мужа по субботам и воскресеньям, и нарком был очень доволен своей выдумкой. Когда вечером в понедельник он возвращался домой, якобы уйдя утром из дому, его встречал безмятежный взгляд супруги, ничего не подозревавшей о периодических подменах. Но недолго длилось счастье изобретательного наркома.

Если уж кремлевская тайна не ударила в ответственных ее рамках и расползлась по стране — что говорить о секретарях периферийных столичных городов и городков! Они с куда большей скоростью проделали обратный путь — в Москву, в Кремль.

Когда Сталину доложили о незапланированных двойниках, расплодившихся там и сям, его особенный гнев вызвало наркомство полувосточных ему руководителем маленкой горной автономии. Как они возомнили себя, эти ничтожества!

— Коммунисты, которые так трясутся за свою шкуру, — несомненно, предатели в будущем. А может быть, и в настоящем. Да, я уверен, это чуждые нам люди. А скорее всего, идейно сплотившиеся враги.

Заявление товарища Сталина было понято верно. Вся троица — партвождь, председатель совнаркома и трижды нарком — была немедленно арестована. Наркома взяли в его кабинете. Он понимал, что его ждет, и попросил разрешения позвонить жене. Он решил на прощанье покаяться перед ней и признаться в обмане.

— Прости меня, — закончил он свое признание, — не понимаю, как я мог пойти на такую гнусность.

— Не переживай, чудило, — спокойно ответила жена. — Я сразу поняла, что это не ты. За ужином не поняла, а в постели поняла сразу. Просто он понравился мне гораздо больше.

Обладатели двойников загремели в лагерь, а сами двойники были расстреляны. Казалось бы, зараза была искоренена. Но через некоторое время с Колымы гришло чрезвычайно неприятное сообщение. Несколько заключенных были обескуражены тем обстоятельством, что бывший начальник политотдела дивизии в улср не узнает их, друзей его боевой молодости, — не узнает в лицо, не знает их имен, не откликается на свое шутовское прозвище, не помнит ни одного фронтного эпизода. Во всем остальном он находится во вполне здравом уме...

Кроме говора, выяснилось, что расстреляли наркома, а на Колыму отправили двойника. Как произошла путаница, установить не удалось. Но она очень и очень встревожила товарища Сталина. Он впервые подумал: случись надобность убрать кого-то из ближайших соратников — и они тоже поддут вместо себя своих кукол. Но, погруженный в размышления о возможном коварстве соратников, он даже

олико не мог себе представить, какая еще опасность кроется для него в существовании двойников и, в частности, его собственной копии.

14

Как мы уже говорили, Сталин-2 был большим хитроумом и авантюристом. Кроме того, за время работы двойником он показал себя по-настоящему одаренным актером. Правда, у него было природное преимущество: в то время, как другим двойникам, набранным из разных мест страны, порою с трудом давался характерный для оригиналов говор, Сталин-2 занимал привилегированное положение не только потому, что был двойником самого великого из вождей, но и в силу своего энергичного характера и, в частности, умения любого поставить на место. Его побаивались не только рядовые охранники, но и отвечавший за дачу генерал. И даже сам начальник личной охраны Сталина, как мы знаем, благоволил ему: держался с ним, как с приятелем, мало при

этом церемонясь со всеми остальными куклами.

Вероятно, это его особое положение и спровоцировало в Сталине-2 некую совершенно безумную мысль. Но, может быть, не только и не столько положение, сколько утягивающий авантюриста к новым приключениям, хотя бы и с равным смертельным риском. Эта безумная мысль исподволь вызрела в нем по мере того, как пребывание в роли двойника, поначалу диковинное и вполне удолетворявшее его честолюбие, становилось привычной и даже рутинской работой.

С другой стороны — почему безумная? Разве не убедился он в течение нескольких лет, суммируя редкие встречи со своим подлинником, что быть вождем означает всего-навсего повелительно разговаривать с окружающими, отдавать короткие недвусмысленные приказы и ни за что при этом не отвечать, всякий раз находя виновных на стороне! А что касается внешности и манеры поведения, то не исключено, что он, хитроумный, в большей степени являлся Сталиным, нежели сам Иосиф Виссарионович. Во всяком случае, каждый раз, ступая на Мавзолей, он чувствовал себя настоящим начальником этой удивительной страны и любимым вождем этих сотен тысяч, что проходили внизу, неся его портреты и восторженно крича ему что-то, сливавшиеся в одну бесконечную «аллилуйю». Сходя с трибуны, шагая вместе со своими «сратниками» и охраной, которую правильно было бы в этой ситуации называть конвоем, по гулкому подземному переходу под кремлевской стеной, садясь в автобус с наглухо закрашенными стеклами и возвращаясь на дачу, он пребывал в таком состоянии, которое овладевает зрителем, когда он выходит из кино, посмотрев цветную голливудскую ленту с лихими песенками и солнечными пейзажами, с нежными красотками и отважными ковбоями, и оказывается в реальной обстановке своего бесконечно родного города. Только что он, радостно сливаясь душой и телом с героем, сиял в прериях, стрелял навскидку из винчестера, а после прижимался жадными губами к устами полуголой девушки, покорно обмякшей в его стальных объятиях... И вот уж он бредет в толпе себе подобных, разбредая ботинками мутную жижу луж на тротуаре, мимо обшарпанного забора какой-то на века заброшенной стройки, под тусклым свечением редких фонарей.

Безумная мысль зрела, зрела и вызрела. Как всякий настоящий авантюрист, хитроумный не рассчитывал далеко своих планов и мало был озабочен тем, скажем, обстоятельством, что никогда не бывал в квартире Иосифа Виссарионовича, никогда не видал его детей. Главным было совершить решающее действие, а там видно будет, полагают хитроумные.

Для решающего действия нужен был подходящий случай. Он мог произойти вскоре. Мог не произойти никогда. Хитроумный ждал.

15

Сталину предстояло принять делегацию авторитетных коммунистов Запада. Это была не первая такая встреча, и прежде они не вызывали у вождя тревожных предчувствий. На этот раз предчувствия были. В делегации должен был находиться человек, которому Сталин не доверял. Впрочем, не доверял он никому и никогда, но здесь был особый случай. Этот человек, чуть ли не единственный среди всех деятелей Коминтерна, не согласился с возвычением Сталина как вождя мирового пролетариата и не скрывал этого своего одинокого и независимого суждения. В то же время лишиться Коминтерна этого деятеля по ряду причин было нецелесообразно, и Сталину приходилось терпеть. Более того, еще со своих давних встреч с этим человеком в двадцатые годы Сталин побаивался его. Здесь не место объяснять истоки этой боязни. И речь шла, конечно, не о том, что во время предстоящей встречи этот человек мог внезапно покуситься на жизнь Сталина. Но он мог сказать ему прилюдно в лицо резкие и неприятные слова, на которые Сталин искал и не находил убедительного ответа.

До сих пор Сталин вполне доверял людям, в обязанности которых входило поддерживать похоть двойника на достаточном уровне. И то сказать, для колонии, шагавших по Красной площади, в бодром темпе, задававшимся оркестрами, люди на трибуне, видимые с расстояния в десятки метров, безусловно, воспринимались как подлинные вожди. Правда, и доверяя специалистам, товарищ Сталин не ленился на всякий случай лично убедиться, что двойник здоров, бодр и сосредоточен на очередном спектакле. Кроме того, иногда това-

рищ Сталин считал, что с Мавзолея во время демонстрации должно прозвучать несколько его драгоценных слов, и тогда он сам проводил репетицию с куклой.

Тем более он пожелал сделать это в предвидении встречи с западными коммунистами. Ведь двойнику предстояло обмениваться рукопожатиями, беседовать, спрашивать и отвечать.

Сталина-2 привезли на ближнюю дачу. Он был введен в кабинет Сталина в сопровождении начальника личной охраны вождя и режиссера-педагога. Одет он был в точности, как Сталин-1.

Всякий раз, как Иосиф Виссарионович видел своего двойника вблизи, он заново поражался их схожести. За эти годы исчезла даже ясно различимая прежде разница в возрасте. Неизвестно, что послужило причиной ускоренного старения, но двойник выглядел теперь сверстником Иосифа Виссарионовича. Сталин вдруг ощутил, что ему трудно встретиться со своим вторым я.

— Закурите, — приказал он.

Двойник достал из кармана кителя трубку, точнейшими жестами Сталина набил ее табаком из лежащей перед Сталиным-1 коробки папюрос «Герцеговина Флор», неторопливо разжег огонь и, попылав дымком, принялся задумчиво расхаживать по комнате.

Сталин тяжелым взглядом сопровождал его перемещение.

— Есть какие-нибудь замечания, товарищ Сталин! — почтительно спросил режиссер-педагог.

Сталин тоже раскурил трубку, жестом велел двойнику останавиться. Он точно так же пересек кабинет по диагонали туда и сюда, но не имитируя задумчивость, а будучи действительно в нее погружен.

— Замечаний нет, — произнес, наконец, Сталин. — Оставьте нас одних.

Сопровождавшие двойника удалились, понимая, что вождь будет сейчас разгнетировать с двойником предстоящие тому разговоры с зарубежной делегацией.

Через минуту в комнате охраны затрещал звонок срочного вызова в сталинский кабинет.

Прихватив подчиненных, начальник охраны помчался к повелителю. Вбежав в кабинет, они застали такую картину. Сталин стоял возле стола, тяжело дышал, потирая пальцы левой руки, видимо, сильно ушибленные, и был в сильном гневе. Его двойник валился на ковре и был без сознания.

— Кукла сошла с ума, — объяснил Сталин. — Она заявила, что сама знает, как ей лучше сыграть меня при встрече с моими зарубежными товарищами из Коминтерна. Как известно, мания величия не излечивается. Расстрелять и немедленно!

Охранники схватили двойника и поволокли его к выходу. Сталин сел за стол и принялся перебирать бумаги.

— Иди и ты, — сказал он начальнику охраны. — Об исполнении доложить.

Начальник, однако, не уходил. В его, в общем-то, не слишком гибком уме, зародилось смутное сомнение: такое страшно, что от ужаса он и сам едва не потерял сознание и непрозрачно грисел на один из стульев у стены.

— Что с тобой! Испугался за вождя! — насмешливо спросил Сталин. — Как видишь, товарищ Сталин способен защитить себя и без помощи твоих дармоедов. Как говорят Русские люди, уложил одной лезвой.

Страшная догадка продолжала кружить голову начальника охраны. Перед ним сидел его повелитель, со знакомыми морщинками на лбу и в уголках глаз, с легкими залысинами в рыжеватых волосах, с желтоватыми глазами, излучавшими непоколебимую волю. В ушах его звучал голос со всеми его характерными особенностями. Без сомнения, это был он. Но как он мог ударить двойника левой рукой, да еще с такой силой, что лишил его сознания! И не в том дело, что Сталин не был левшой. Дело было в самой руке. Левая рука товарища Сталина, несмотря на попытки крупнейших медиков остановить процесс, год от году становилась все хуже. Она сохла и плохо сгибалась в локте. В последнее время она с трудом удерживалась на весу телефонную трубку. Конечно, в состоянии сверхъестественной ярости человек может ударить и немощной рукой, и все же...

— Я не испугался, товарищ Сталин. — произнес, выходя из оцепенения, начальник охраны. — Я только подумал: мо-

жет быть, отменить МХАТ! Вы, наверно, сильно зашибли руку.

Сталин внимательно посмотрел на него, как если бы услышал что-то не совсем вразумительное. И после обычной своей паузы ответил:

— Подумаю. Может, и отменю. Не думай о пустяках. Ступай, немедленно расстреляй его и немедленно доложи.

— Слушаюсь!

Закрыв за собой дверь кабинета, начальник охраны помчался во всю прыть.

Его гаврики заканчивали разоблачение — буквально — двойника. С него стянули безупречно точные копии сталинского костюма — китель, брюки, мягкие кавказские сапоги — и в ожидании дальнейших приказаний швырнули его в угол. Двойник, когда всрвался начальник охраны, как раз начал приходить в себя. Он приподнял голову и мутно взирался, плохо соображая, что с ним произошло и происходит.

Начальник охраны упал на колени перед ним и прокричал:

— Товарищ Сталин! Умоляю! Расстреляйте меня, а это заслужил! Но только скажите: куда вы собирались сегодня вечером! Помните, это очень важно, товарищ Сталин!

И, так как взгляд полурасдетого человека был еще мутен, он повторил по слогам:

— Се-го-да-ня ве-че-ром ку-да!

Раздетый до белья человек несколько прояснился взором, метнул на стоящего на коленах начальника охраны гневный взгляд желтоватых глаз и глухо произнес:

— В театр.

— В какой, товарищ Сталин!

— В Большой...

Начальник вскочил на ноги, затаил старшему охраннику оплеуху и диким голосом продрал:

— Этот — настоящий!!! Быстро в кабинет! Сволочи!

16

— Черт побери! — не исключено, что вскрикнет в этом месте читатель с богатым воображением. — Какая скромная фантазия! Да ведь в тысячу раз интереснее было бы, если б настоящего Сталина успели расстрелять!!! Вот это были бы приключения! Как восприняли бы это событие соратники! Ликвидировали бы двойника или оставили его в чужде декорации! Согласился бы он сам в этом последнем случае на декоративную роль или обиделся бы претензиям на такую же власть, какой обладал настоящий Сталин! Глобальнейшие фантазии, простор, океан! Жаль, жаль, что автор не захотел или испугался ринуться в эту пучину...

Что мне ответить читателю с воображением! Конечно, би прав, и успешный исход авантюры Сталина-2 давал бы возможность замечательного поворота в сюжете всей этой истории, превращая ее из цепочки анекдотов в колоссальный трагифарс, да и вообще переводя в иной масштаб. Кто знает, что было бы с Россией, с Советским Союзом, с всемирным коммунистическим движением и со всей планетой, если бы однажды Сталиным стал наш хитрофан.

А в том, что, погибни настоящий Сталин, фальшивый был бы признан за всамделишного, можно почти не сомневаться. В самом деле, как поступить соратникам! Объявить советскому народу, что его великий вождь пал от рук подлых убийц из троцкистско-бухаринской банды! Но как отзовется в народе ошеломительная весть! Не сметет ли самих соратников волна народного гнева! Не исключено, что в предвидении такой, губительной для них волины одни соратники постараются нацелить ее на других. Возможны молниеносные коалиции. Делустиям, Берия — Маленков об-являют о разоблачении банды сталинских убийц во главе с Молотовым—Кагановичем—Ворошиловым, а те вступают со встречным разоблачением. Маленков успевает тиснуть сообщение ТАСС в «Правду», а Молотов—Каганович—Ворошилов пробиваются на Всесоюзное радио. Миллионы людей по стране разворачивают «Правду» и читают одно сообщение ТАСС, а из радиотерекон слышат совсем иное. Берия успевает свистеть Молотову, а Ворошилов — Маленкову. Дивизии НКВД против регулярных частей Красной Армии. Война! Штурм Кремля, осажденное положение в Садовом кольце...

Стоп, стоп. А может быть, соратники, пресчитав задых, поймут, что речь идет о примерно равнестве сил и, стало быть, борьба чревата взаимным уничтожением и приходом

наверх каких-то третьих людей — и договорятся! Чем плох декоративный Сталин. Стоял на трибуне Мавзолея, что ж, пусть теперь сидит на заседаниях Политбюро. Ну, а чтоб не вздумал стать действительным властелином, придется создать ему особый режим, изолировать действующий манекен бога от нежелательных контактов со случайными людьми. Тем более, что и подлинный Иосиф Виссарионович практически не появлялся перед народом... Ну, а если хитрован перехитрит самый хитрый режим, перессорит соратников меж собой и станет-таки властителем страны и государства!

Словом, как не пожалеть, что автор спасовал перед откровенным предположением!

Увы, дорогой читатель. Хоть автор и назвал свое сочинение фантазией, хоть он, как сознался в самом начале, не имеет никаких достоверных сведений, это еще не значит, что он не имеет сведений вообще. Автор фантазирует, но не на пустом месте, а на основании слухов. Слухи есть специфическая разновидность информации, особенно ярко расцветавшая в опутанных колючей проволокой секретности информационных полях тоталитарного государства. Слухи смутны, обрывисты, противоречивы — и потому позволяют фантазировать. Есть два похожих слова: вымысел и домысел. Вымысел — безудержная игра воображения. Домысел — догадка, основанная на предположениях. В данном случае автор не вымышляет, а домысливает, питаясь невнятными слухами. Что нами с какого-то времени под видом Иосифа Виссарионовича Джугашвили-Сталина правил другой человек, его двойник — такого рода слухи, даже самые невнятные, автору неизвестны. И как ни соблазнительно было продвинуть фантазию в этом направлении, он не считал возможным позволить Сталину-2 длительное существование в роли подлинника.

Нет, хитрован был Сталиным считанные минуты. Другое дело, что эти последние мгновения своей жизни он провал в таком состоянии духа, в каком мало кто пребывал на Земле, а, может быть, и никто. И, учитывая авантюрный склад его характера, его неприятие обыденности, можно вообразить, что многолетнее существование в виде Сталина рано или поздно приелось бы ему, стало восприниматься довольно рутинным и не доставило бы столь острых ощущений, как эти считанные минуты.

17

Вечером, в правительственной ложе Большого театра, в антракте, когда в ложу внесли вино и фрукты и вино было разлито в бокалы, Сталин, дождевшись, когда уйдет официант, сказал:

— Одну минуту, товарищи члены Политбюро.

Руки, потянувшись к бокалам, послушно остановились.

— Должен сообщить вам две новости. Одна очень неприятная, другая гораздо лучше. Очень неприятная новость состоит в том, что наши с вами куклы создали контрреволюционную организацию, деятельность которой, к сожалению,

проморгал наш бдительный Лаврентий Павлович и его якобы безмерно гаданные нам чекисты.

Услышав это, Берия снял пенсне, посмотрел на него, как на залетевшую на нос бабочку, и осторожно положил на стол. Лицо у него сразу стало растерянным, как у бабы, которую только что обобрали на рынке.

— Эта контрреволюционная организация поставила себе целью заменить собой весь состав Политбюро, Секретариата и высшего командного состава Красной Армии. На ближайшей перасмайской демонстрации они намеревались произнести с трибуны Мавзолея заявление от нашего с вами имени, полностью поворачивающее как нашу внутреннюю, так и нашу внешнюю политику. Последствия такого заявления перед возбужденными колоннами, в грядущей атмосфере перасмайского торжества, вы можете себе представить.

Сталин замолчал и раскурив трубку. Он подбавлял дымком и молчал. Снизу, из партера, доносились аплодисменты, которыми в течение всего антракта полагалось приветствовать логу.

— А... вторая новость, Коба! — решил прервать паузу Ворошилов.

Сталин выколотил трубку о край стола, сунул ее в карман, улыбнулся и сказал:

— Вторая новость гораздо лучше. Организация полностью разоблачена, виновные безоговорочно признались... И желанные могут почтить их память вставанием.

Правильно поняв товарища Сталина, соратники встали.

— Пршу садиться.

Он поднял свой бокал, в котором дробился и искрился свет люстры, и произнес:

— По-своему жалко этих людей. Мы к ним немного привязались, не так ли? Они были очень похожи на нас. Я бы сказал: слишком похожи. Мир праху!

После того, как был выпит поминальный бокал, Берия, вернувшись на место, сказал:

— А я, Иосиф Виссарионович, признаться, даже рад. Не скрою, мне всегда нравилось самому стоять на Мавзолея, над телом нашего дорогого Ильича. В эти минуты я чувствовал, как крепну в идеологическом разрезе.

— Молодец, Лаврентий, — отвечал вождем. — За то, что прошляпил контру, будешь наказан. Крепко наказан. Но сейчас сказал правильно. Хорошо сказал. Мы должны сами стоять над дорогим нашим Ильичем. И мы сами должны ощущать дыхание масс. Не надо бояться людей. Более того, им следует доверять. И тут нас имеет право справедливо упрекнуть Георгий Максимилианович. Вы помните, он первым и исключительно добровольно вернулся на трибуну. Хотя трудно представить себе чудака, который премахнет по такой мишени!

Все посмотрели на тучного, раскормленного Маленкова, на его широкое лунообразное лицо и дружно рассмеялись. Так в действительности был ликвидирован институт двойников.

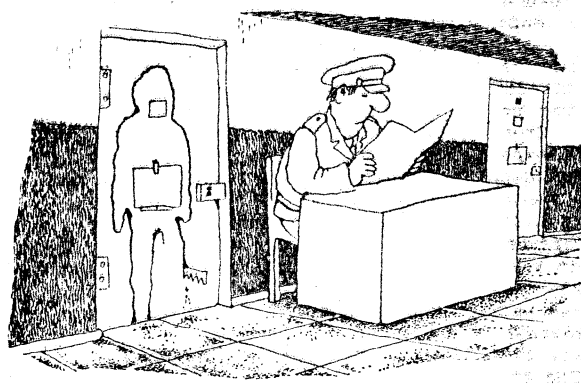

Рис. С. АШМАРИНА

Сергей Бояркин

ЗАТЯНУВШАЯСЯ КОМАНДИРОВКА

В ТОТ памятный вечер Анна дала мне большущий список поручений. Я молча стоял у окна, читал его и качал головой.

— Не вижу энтузиазма! — сказала Анна. — Поворачивайся, да пожди!

— Опять идти в магазин, — заныл я, — а твой дорогой Жорка будет смотреть футбол...

Я видел, что Жорка смертельно устал, надо было его разозлить, встряхнуть для поднятия тонуса. Я, не торопясь, сел в кресло и принялся рассуждать:

— Вот он, эгоизм! В кой-то века выберешься к друзьям посидеть, пожевать чего-нибудь этакого домашнего. Так нет, тебя же и заставляют мшачить. Что ни говори, а быть холостяком — милое дело: никто тобой не командует, никто в магазин не посылает.

Жорка стал злиться:

— Смотрите-ка на этого недомерка, он еще выступает!

— Недомерок-недомерок, а все-таки мастер по самбо!

Я стал недавно мастером и не упустил случая напомнить об этом своим друзьям.

— А, между прочим, Анна, разница в росте у нас с твоим благоверным всего шесть сантиметров. Эря ты предпочла Жорку. Подумаешь, шесть сантиметров! Пустяк!

— Пустяк, а приятно! — назидательно заметил Жорка. — Анна, давай женим этого дурачка.

Жорка засмеялся, тонус его определенно повысился.

— Я — старый, — сказал я грустно. — Меня девушки не любят.

— Плагиатор! — уличила меня Анна. — У классиков вооружди! — вообще, когда ты собираешься в магазин! Мне вас обжор, накормить надо и на дежурство успеть.

Укоризненно покачал головой, чтобы показать всю глубину моего возмущения, я взял сумку и отправился в магазин.

Дверь камеры с лязгом закрылась, со скрежетом повернулась в замке ключ. Два месяца продолжается моя новая жизнь, а все никак не привыкну к этому лязгу и скрежету.

Сквозь зарешеченное окно виден наклонно прибитый щит из досок. Свет падает сверху, в камере достаточно светло, а что за окном — неизвестно.

В камере со мной сидит один парнишка. Молод, но изранен: убил в пьяной драке своего товарища. С соседом давно все переговорено. Я лег на нары, сунул голову под телогрейку и уснул. Проснулся от стука раскрывшейся «кормушки» — охотки в двери — разносили еду. Кормят здесь терпимо, хотя, конечно, до ресторана далеко. Сосед ест плохо, нет аппетита. Да, трудно в таком положении иметь хороший аппетит. Завтра парнишке предстоит суд. Что-то он решит! А у меня уже все позади. Жду, когда по этапу в колонию.

ЖОРКА не любит ходить в магазины, особенно со мной. Он говорит, что я — аморальный тип, который старается понравиться всем, без исключения, девушкам-продавцам.

— И вечное зубоскальство. — говорит он Анне.

Та меня пидит. Я сопротивляюсь:

— Просто, Анна, раз ревнуешь, так и скажи!

Друзья всегда собственники. Ты должен принадлежать только им, поскольку они, видите ли, привыкли к тебе и не желают тебя делить даже с продавцом.

Я стараюсь свести разговор в нейтральную плоскость

— Если вы, нахмурясь, выйдете из дома...

Но Анна, разгадав мой маневр, коварно спрашивает:

— А не позвать ли нам Нину!

Тогда я сдаюсь. Сдаюсь не потому, что Нина выше меня. Нет, она не выше. Но зато Нинина комплекция!

— Не надо Нину, — говорю, — не надо! Я перестану улыбаться продавцам!

— Трус несчастный! — заключает Анна.

И подлый Жорка соглашается с нею.

Н А КРАПЫВАЛ дождь, когда наш этап прибыл в колонию. Нас держали около получаса, пока разобрались с какими-то бумагами. Дождь тем временем разошелся по настоящему. Телогрейка намочила, вода текла за шиворот.

— Иванов, подними воротник, — скалился прокуренными зубами сосед. Это такая острота, на наших телогрейках воротников нет.

И тут я увидел нужного человека. Похоже, он тоже видел меня, хотя не подавал вида. Время поговорить у нас будет: как-никак, а закатали мне четыре года.

Сиротливые, черные от дождя ели стояли над дорогой, по которой меня вели под штыком, и плакали над моей судьбой. Колония, колония, не хочу я тебя. Забор глухой, как невезение в карты. И забор тоже охраняют черные мокрые ели.

Бежать, при первой же возможности бежать...

В тот вечер я уговорил продавца из «Гастронома» Светочку отдать мне осетровый балык, который она оставила для какого-то начальства. Когда я вернулся и показал добычу, Анна ахнула, а Жорка сказал:

— Ну и жох!

Я наслаждался произведенным эффектом и не удержался от маленькой мести.

— Это не вам, — сказал я, — балык я унесу домой.

Увидя вытянувшиеся лица, засмеялся только.

— Ну тебя! — махнула рукой Анна. — Никак не привыкну к твоим шуточкам!

Она раздобрилась и выставила коньяк. После рюмки мы с Жоркой сели за шахматы. Но не успели мы начать партию, раздался телефонный звонок. Анна сказала, что звонят мне. Этого звонка я ждал со дня на день.

— Посылают в командировку, — объявил я друзьям.

— Опять, наверное, надолго, — огорчилась Анна. — Вечно ты в командировках. Хорошо, что хотя бы работа у тебя неопасная. Если бы Жорка так надолго уезжал, я бы с ума сошла, что там с ним!

— Да, это хорошо! — сказал я, думая о своем.

— Что хорошего! — спросила Анна.

— Хорошо, что работа у меня неопасная.

Жорка проводил меня на лестничную площадку и сказал:

— Хоть и «неопасная», но все же поаккуратней! Давай, будь! Когда ждаты!

Е ДИНСТВЕННЫЙ пассажирский поезд в большой мир проходил мимо нашей колонии около шести часов вечера. С чердака барака, где жил наш отряд (кстати, так именуют самое малое подразделение осужденных; возглавляет его офицер, должность которого так и называется — начальник страды). Я, насколько можно, тщательно осмотрел мчащийся поезд. Промелькнули беленькие занавесочки окон, отстучали колеса... Двенадцать вагонов.

Железная дорога — единственная связь колонии с миром.

Других дорог нет — сплошные болота, непроезжаемые даже зимой.

Итак, поезд. От ворот колонии до железнодорожного полотна — двести шагов. Это я подсчитал, когда нас сели в колесико. Двести шагов в строю — это примерно сто — сто пятьдесят метров. Высок должен быть стремительным.

Сестра на ходу, под выстрелами, чрезвычайно тяжело. Но это — единственный выход. Не идти же вдоль полотна, сцапают. На поезде я проскакиваю около восьмидесяти километров, болота кончились и — сразу в лес.

Получил первый сигнал от нужного человека. Поможет бежать, хотя сложностей много.

Разговор с шефом длился около трех часов. Обговорили, кажется, все детали. Вечер свободен. Не порываться ли на Каменном!

В пяти-шести километрах за городом проголосовала пляжная девичка. Я подождал, пока она усядется на переднее сиденье, и тогда спросил:

— Вам куда? Может, не по пути!

— В дом отдыха. Разве вы не оттуда!

— Дом отдыха километрах в трех от моего любимого места.

— Ладно, не будем мелочиться.

— Почти.

Я был уже в рыболовном настроении, предвкушал хорошую рыбалку, уху с дымком. Говорить не хотелось, что-то не тянуло меня сегодня на пляжные знакомства. Вел машину и молчал.

Разговор начала она:

— Вы всегда такой молчаливый!

— По средам, — несласково сказал я.

Она засмеялась. У нее были очень белые зубы, и она смеялась искривив.

— А почему именно по средам!

— Санитарный день. Стираю и глажу рубашки.

— Устаете!

— Не в усталости дело, а в ответственности.

— А в прачечную!

— Что вы, мои рубашки из Парижа, фирмы Функель!

Фирму я тут же выдумал.

— Не доверяете рубашки жене!

— Даже если бы и была, не доверил.

Все-таки втянула она меня в разговор. Когда же узнала, что еду на рыбалку, загорелась и напрасилась порываться. Заехали в дом отдыха. Она переоделась, кстати, весьма подоловому: штормовка, брюки; даже прихватила мазь от комаров.

Зовут ее Катя.

Сегодня вызывал меня начальник отряда. Так сказать, для знакомства. Расспросил, есть ли родственники, где учился, какая специальность. Как совершил преступление, сознаю ли свою вину!

Я вел себя спокойно, даже смиренно, ответы давал неторопливые и короткие. В общем, так ведут себя осужденные на первых беседах. Ответил, что родители погибли в автокатастрофе, писать письма некому, окончил восемь классов, работал в фотоателье, снимки делаю хорошо. Жалко, что нельзя иметь фотопринадлежности, а то бы гражданин начальник выглядел на портрете, как киноартист.

О преступлении говорил неохотно: так уж получилось, выпил лишнего и по пьянке подрезал. Виношат, конечно, куда динешся. Вину и на следствии не скрывал. На следствие имею ли увлечения, сказал, что люблю читать, читал много. (Наизрядность скрыть трудно). Нет, склонности к художественной самодеятельности у меня нет, ни петь, ни плясать не умею. Но, оказывается, речь шла не о художественной самодеятельности, а о самостоятельных организациях. Так называются в колонии добровольные команды осужденных, которые следят за порядком, за техникой безопасности и так далее. Короче, на счету у администрации.

Я уклончиво сказал, что надо осмотреться, там будет видно. Хорошо же общественник, задумывающий побег!

КОГДА мы приехали на озеро, я поставил машину перед оградой от костреца, открыл багажник и достал свой любимый скарб: складные удочки, надувную лодку, котелок, мяки для ухи.

Клев был хороший, и я скоро развел костер. Непонятно, почему я отнес Катю к пляжным девичкам! Девчонка вполне нормальная, с азартом удила, радовалась, когда попадалась рыбка. А уж как блестяли у нее глаза да зубы! Мы с ней пересмеивались, и я уже примирился с ее присутствием.

Костер разгорелся, и я повесил котелок. Катя почему-то насторожилась и замолчала. Я не обратил на это внимания: решал самый сложный философский вопрос — на что выкладывать рыбу из котелка. Потом решил, что для этой цели подойдет лист лопуха.

— Слушайте, перестаньте! — услышал вдруг возглас Кати.

Поднял голову. Катя отталкивала дюжего парня, который пытался ее облагать. Около меня стояли еще двое, один уже открывал багажник. Четвертый с хозяйским видом стоял у лодки и с наглой ухмылкой поглядывал на нас. Все четверо, естественно, в подпитии.

Работаю в тарном цехе. Работа несложная. Выдали два комплекта «хэбэ»: и куртка, и штаны — черного цвета. В одной паре работаю, другая — для повседневной носки. На сыбор — сапоги или рабочие ботинки. Для работы взял сапоги, а носить — ботинки. Взял с дальним прицелом: бежать в них легче, да и за вагон цепляться удобнее. Из медной трубки сделал ключ к железнодорожным замкам.

Узнал, что в охрану прибыл новый командир взвода. Сойдаты хахстались, что он — снайпер, чемпион кируга по стрельбе. Препятствие серьезное. Такой ради карьеры не задумается, шарахнет сразу. Ладно, поглядим.

Снова повидался с нужным человеком. Говорит, чтобы был готов.

Я ПОЧЕМУ-ТО все время боялся за уху, как бы она не уплыла, вот-вот должна закипеть.

Будь их двое, я бы и глазом не моргнул. Здесь же — четверо, настроены агрессивно, недопили, мучит жажда. Ради выпивки и развлечения готовы на все. Чувствуют себя хозяевами положения: кто сумеет, нет, даже, кто посмеет сопротивляться, четверо здоровенным мсрдоворотам. Видать, проделывают это не впервые, портят людям настроение организованно. Даже роли распределены заранее: двое блокировали меня, один контролирует девушку, а один — на командном пункте — гласарь.

Десаться некуда. Я попробовал мирный ход: шли бы вы, мужики, ссией дорогой! Громилы захохотали: выступает!

Тот, которого я окрестил гласарем, был мужик серьезный. Он спросил:

— Бухало у тебя есть!

— Нету у меня выпивки.

— Врешь! — сказал он уверенно и распорядился, обращаясь к тому, кто открыл багажник: — Поищи. А я тут пока с девчонкой почирикаю!

Обойдя костер, он направился к Кате. Она побелела, и тут я начал действовать. Поскольку один залез в багажник с головой, я вначале выключил его напарника, а уж потом и этого баракольщика. Двое улеглись на дерн. Я кинулся на помощь Кате.

Получив удар в солнечное сплетение, ее дюжий кавалер открыл рот и осел на землю, обдирая мох с осины. Бюестьи был нескромным, но я надурно поработал!

Глазарь кинулся бежать.

— Эй, куда ты! — крикнул я ему. — А бухало!

ЖИЗНЬ в колонии почемному раскрывается новыми гранями. Не все, видать, стремится выйти на свободу с чистой совестью. Сегодня ко мне подошел Андриюков из соседней сотки. Его считают «квестеркой». Это значит, что он на побегушках у авторитетных осужденных.

— Изанов, давай на подогрев в БУР.

Я уже прошел определенную школу и знаю, что «подогрев» — это продукты, табак или чай, которые тайком передают посаженным за провинности в штрафной изолятор. Вот этот изолятор и называют по старинке «БУР» — барак усливного рожима.

Я дал Андриюкову пачку чая. Уж извините, гражданин начальник отряда, мне сейчас любые конфликты ни к чему. Ни с кем, ни с квестерками.

Каждый вечер наблюдаю за поседрами. Интересно, какие показались в стрельбе у нового командира взвода!

Художник И. Кожевников

значена простой проволокой на колышках. Я осматриваюсь: конвоиров трое, рядовые солдаты, по всем признакам — зеленые новобранцы. И тут же мысленно ахаю: неподалеку от меня стоит и смотрит в мою сторону незнакомый лейтенант. Видать, это и есть командир взвода, который так любит пулевую стрельбу. В кобуре у него пистолет. Пистолет — на автомат, из пистолета в бегущего попасть не так просто. Не так просто, если ты — простой офицер, не снайпер.

Гудок поезда. Я ждал этого момента три месяца. Мимо летит вагон, другой, третий. Все, как и я, gazeют на проходящий поезд. Девятый, десятый. Вон предпоследний — одиннадцатый. Я аккуратно втыкаю в землю лом. Ну...

Моего рывка не ожидали. Я бегу прямо на солдата, у него изумленный вид. Он даже не успел понять, в чем дело. Миновал его, догоняю вагон с цифрой «11». Слышу за спиной крики, команды. Хватаюсь за поручень левой рукой, подтягиваюсь, носок левой ноги сую между поручнем и вагоном, правой рукой нахожу в кармане ключ. Сую в скважину, дверь открывается, я почти падаю в тамбур. Нога застряла, ее держит поручень. Наконец я освобождаю ее, и в этот момент кто-то сильно ударяет меня в каблук. Пинком ноги, лежа, захлопнул дверь. Тамбур пуст. Из-за пазухи выдернул замасленную кепку, которую удалось выменять в колонии на курево, сорвал с куртки бирку с фамилией. Волос чуть подрос, в таком виде сойду за путевого рабочего, добирающегося до дому с работы. Везет: в коридоре вагона никого. В купе сидит и смотрит в окно представительный, хорошо одетый мужчина средних лет. Я незаметно огляделся. В дальнем конце вагона появилась женщина, но она не обращает на меня внимания. Вхожу в купе, поворачиваю защелку. Вынимаю из кармана нож, говорю:

— Спокойно, не шуметь!

Пассажиры, кажется, в шоке. Снимаю с полки чемодан и открываю его. Много мне не надо, лишь одежда, чтобы не бросаться в глаза. В чемодане нашлись спортивные брюки, свитер, кроссовки и вязаная спортивная шапочка.

— Спасибо, дружище, — говорю я. — Надеюсь, что не очень вас разорил.

Я поднял чемодан, водворил его на полку, а когда опустил руки, то замер: на меня глядел зрачок пистолета...

КАТЕРИНА не шла из моей головы. Не знаю, в чем тут дело. Она, конечно, красивая, мне приятно на нее смотреть. И все-таки соль не в этом. Мало ли в нашем городе красивых женщин!

Тот подонок, которого я назвал главарем, бежал не только от меня. Пока я возился с его «коллегой», Катя-Катерина здоровенным суком двинула главара по голозе. Вот это женщина! Как будто видение из древнейших времен: мужчина и женщина плечом к плечу, спина к спине защищают свой костер, свой очаг, свою семью, свою любовь...

Стоп, что-то не туда рулю! Какую семью, какую любовь! Только котел с выкипевшей наполвину ухой...

Сказать честно, я, конечно, уже крепко засиделся в дачках. Тридцать с лишком и с довольно большим лишком.

Насмешки друзей, что я — недомерок, я переносю терпеливо. Метр семьдесят пять, — мне хватит, — я не жадный. Брюнет, с седinou на висках. Нравлюсь дамам, правда, почему-то пожилым. Жорка острит, что паспорт Дубровского Пушкин списал с меня: глаза серые, нос прямой. Увлечение самбо не дает толстеть. Силенкой бог не сбидел.

Слышала бы это Анна! Она бы быстро развенчала меня, назвав кучу имеющихся у меня недостатков.

Мент проклятый! — упавшим голосом сказал я. — Экое невезение — нарвался!

— Сиди и не прыгай, — пригрозил попутчик. — Еще неизвестно, кто тут мент!

Конечно, я «сидел и не прыгал», как было велено.

— Откуда, красавчик! — спросил он.

— Знаете, я не люблю отчитываться, и здесь — не профсоюзное собрание.

Он осклабился: гляди-ка, понимает юмор. А, действительно, почему бы ему не понимать его!

— Это по тебе, что ли, стреляли!

Вот этого я и не заметил! Ну, наверное, стреляли, не могли не стрелять! Уж, наверное, снайпер не упустил возможность. На всякий случай промолчал.

Попутчик зачем-то взял мою обувь, которую я снял и со-

ВЕРНУВШИСЬ к костру, я увидел, что уха наполвину вскипела. Рыба начала развариваться. Я ее вытаскивал.

А Катя тем временем хлопотала около этих подонок — приводила в чувство! Я усмехнулся, но в душе одобрил ее. Два дурака уже пришли в себя, но боялись открыть глаза, не зная, что их ждет.

— Катя, бросьте вы с ними возиться, они уже очухались.

— Эй, вы! — сказал я гостям. — Маршируйте-ка отсюда, да приятеля своего не забудьте.

В канун серьезной командировки не хотелось возиться с бичами. Да и вообще, реклама ни к чему.

— Ясно, гражданин начальник! — подобострастно ответил «барахольщик». Наглости как не бывало. Я невольно отметил его обращение. Значит, был уже в местах не столь отдаленных, а не унялся.

Они исчезли. Мы стали есть отвоеванную уху и даже немного выпили. Глаза и зубы у Кати опять заблестели.

— Как вы их! — сказала она с восхищением. — Одни — чепухи!

Признаться честно, я ждал этой похвалы. Что за подонки, если он никак не оценен!

— Трех, — сказал я, — четвертого я и пальцем не задел.

— Все равно, он вас испугался. Правда, я его папкой огрела, когда он побегал!

Она смеялась, немного нервно, как человек, избежавший опасности, знающий, что эта опасность позади, что ему сейчас уже ничто не угрожает. Улыбка так красила ее лицо! Красивое лицо, между прочим. И молодое. Ах, какое молодое!

Рано утром я завел Катю в дом отдыха. Мы обменялись телефонами. Я инициативы не проявлял, попросила об этом Катя.

УЗНАЛ, что вечером нас выведут на ремонт железнодорожной ветки, ведущей к складам колонии. Будем мять шпалы. Поезд проходит как раз в это время. Запретная зона, из которой мы не имеем права выйти, обо-

бирался выкинуть в окно, и с интересом стал разглядывать каблук левого ботинка. Каблук прострелен насквозь. Пуля была на излете, ее тупое рыльце выглядывало из грубой резины.

Мой полутчик сунул пистолет в карман и выковырнул за чем-то эту пулю. Она лежала на газете, этаким плотиненский кургузый кусочек металла, выпущенный по мне из «макарова». Судя по всему, постарался новый командир взвода, чемпион округа по стрельбе...

Полутчик немного подобрел:

— Ладно, — сказал он, — значит, так. К милиции я отношения не имею и сдавать тебя властям не собираюсь. Зовут меня Аркадий Петрович.

Я помолчал, потом нехотя представился:

— Иванов, Валерий...

ВЕЧЕРОМ, вернувшись домой, я услышал телефонный звонок. Кто-то звонил упорно и не желал положить трубку.

— Слушаю, — сказал я. Звонила Катя, я сразу узнал ее голос.

— Это вы! — обрадовалась она. — А я звоню, звоню!

— Здравствуйте, Катя! Откуда вы звоните?

— Здравствуйте! Я — в городе. — Она вдруг отчего-то обробела. — А вы... Вы очень заняты! Мы не могли бы встретиться!

— Конечно, Катя, конечно! — сказал я весело.

Весь вечер мы сидели в открытом кафе у городского пруда и долго говорили. Но одной темы я старался избегать — моей работы. Сказал только, что работа не очень интересная, денег же одному вполне хватает.

Катя поинтересовалась, как это я ухитрился разделаться с парнями на озере? Я рассказал ей, бегло, конечно, о занятии самбо. О том, что это — не совсем спортивное самбо, я умолчал. Оказалось, что Катя хочет освоить самбо. Я пообещал помочь, но сказал, что это будет не скоро: посылают в командировку, месяца на три-четыре, отлаживать оборудование. Катя что-то поскучилась. Я отнес это за счет отсрочки занятий. Тогда я написал записку тренеру Валентину Васильевичу с просьбой подействовать Кате. Однако не сказать, чтобы от этого девушка повеселела.

Неужели, Катя, вас интересует не самбо, а именно самбист Никита Колычев, тридцати шести лет!

— Держи на память о ментах, — сказал Аркадий Петрович и протянул пулю. Я взял и тупо посмотрел на нее, не зная, что с ней делать.

— Впрочем, нет, — спохватился он, — лишняя улика.

Он взял у меня пулю, бросил ее в ботинок, завернул ботинки в робу, и, оттянув вниз вагонное окошко, выбросил сверток.

— Куда держишь путь!

Я неопределенно дернул плечом.

— К папе и маме нельзя, там тебя чекисты ждать будут.

— Нет у меня папы и мамы. И деда, и бабки нет, и братьев, и сестер — тоже, — зло, с постепенным повышением истеричной нотки в голосе крикнул я.

— А ну, потише, — жестко сказал Аркадий Петрович, — мы не в театре, громкость здесь не требуется. Играть тоже незачем, зрителей нет.

Я, пожалуй, немного пересолил, но он, похоже, не придал моей выходке значения.

Аркадий Петрович достал копченую колбасу, сыр, шпроты и бутылку коньяку. Я говорю об этом потому, что здорово хотел есть, а тут — такие деликатесы, которых сто лет не пробовал.

— У нас есть немного времени, — сказал Аркадий Петрович и показал на еду. Я стесняться не стал. — Чекисты наверняка ждут тебя на соседней станции. Ешь и через десять-пятнадцать минут прыгай.

Когда я перекусил, он сунул мне в руку сложенную вдвое бумажку и сказал:

— Придешь в город, иди по этому адресу, скажешь, что от меня.

Через минуту я спрыгнул с подножки и углубился в лес.

Я СТЕСНЯЮСЬ загорать на пляже, поскольку был прострелен в двух местах и невольно привлекаю внимание: шрамы, уши, не загорают. Для фронтовика — молод, для более дотошных — несчастный случай в детстве.

Но всех ведь не обманешь. Врачи и участники войны мне не верят, обычно качают головой. Да и какие операции могут быть у такого здорового оболтуса!

Поэтому загорать приходится в одиночку или с друзьями, которые принимают мою версию. Анна, например, убеждена, что я растяпа, которому вечно не везет. Постоянно у меня происходят какие-то нелепые приключения, я получаю синяки, шишки и шрамы. Мы ей с Жоркой заморочили голову основательно.

А вот с Катей я дал маху...

Мы поехали с ней купаться на наше озеро. Я отговорил Катю, которая непременно хотела загорать на пляже дома отдыха, и привез ее в один из уголков, где можно отдохнуть, не боясь гостороннего глаза.

Когда мы вышли на берег, Катя увидела мои «украшения».

— Боже мой, что это! — с испугом спросила она.

— Чепуха! — отмахнулся я. — Руку сломал еще в детстве, пришлось чинить, вот и шрам. А тут вырезали аппендикс.

— Ага, — сказала Катя, — сквозной, на животе и на спине сразу. Не обманывайте меня, Никита, я — хирургическая сестра. У вас очень опасная работа!

Я ДУМАЛ, что меня встретит матерый уголозник, которому поручено охранять «малину». Ничего подобного! Это был домик отца Аркадия Петровича, довольно безобидного вида старичка. Видю, Аркадий Петрович не любил лишнего окружения. Я пришел сюда под утро и крепко спал, когда меня разбудили. Взглянул на настенные часы: уже около восьми вечера.

— Крепкий сон — признак чистой совести, — сыронизировал Аркадий Петрович.

Я не стал разводить дебаты, — чья совесть чище, потянулся и стал одеваться.

Ужин был недурен, хотя в нем преобладали простые блюда, без вчерашних деликатесов. Пили водку, причастился и папаша.

Аркадий Петрович предложил мне рассказать о себе. Прямо всем надо знать, кто я и что. Я заертачился:

— Я что, в стделе кадров! Может, на работу возьмете!

— Может, и возьму, если подойдешь. Дураков не беру.

— Это с каким же заработком!

— Не бойся, заработаешь. Не обижу.

— А ежели маловато будет! Я ведь раньше много зарабатывал, иной раз — до трехсот.

— Иаго же, до трехсот, — засмеялся Аркадий Петрович, — так ведь тогда ты был паспортный!

Да, деться некуда. Пришлось рассказывать о себе: и что сирота без единого родственника, про работу в фотографии, и про то, что парня по пьянке ножом ударил. Парня я жалел, хорошо, что он жив остался. Но за решеткой быть не хочу, температура не позволяет сидеть на одном месте. Аркадий Петрович долго расспрашивал, пытал про всякие мелочи. Я даже выразил удивление: на кой черт ему надо знать, на какую ногу прихрамывал мой дед! Проверять будет! Ну, давай-давай! Неужели все запомнит! Наверное, пишет на магнитофон, где же такую уйм деталей запомнить!

П О-МОЕМУ, я сумел все-таки убедить Катю.

— Катя, — мягко сказал я, — видимо, я высоко подпрыгнул в ваших глазах там, на озере. Однако не надо придумывать для меня подвохов. Обыкновенный работага с техникумом, рабочий-наладчик.

— Я что-то не слышала, чтобы у нас стреляли в рабочих!

— Да, это действительно не аппендикс, а пуловое ранение, — признался я, — только получил его давко, когда был пограничником, и то случайно. Этакое глупостью можно хвастать в двадцать лет, что я в свое время и делал. А сейчас мне, Катя, уже тридцать шесть. Сейчас просто неудобно привлекать чужое внимание этими шрамами.

— А куда вы собираетесь так надолго! — спросила Катя.

— Еду в...

Я назвал город, подальше от наших мест.

— Я буду скучать! — призналась Катя. — С вами как-то надежно и спокойно.

Я сказал, что это наверняка оттого, что я владею самбо. Вот когда Катя сама освоит эти приемы...

— Спасибо, — чопорно сказала Катя, — конечно, в этом все дело. Как это я раньше не догадалась! Большое вам спасибо за протекцию!

ВИДИМО, проверка прошла благополучно. Аркадий Петрович принес мне паспорт на имя Белоза Валерия Семеновича и удостоверения водителя автомобиля на это же имя. Я удивился:

— Откуда взяли мои фотки!

Аркадий Петрович только усмехнулся моей простоте. Я опасно заметил:

— «Лица» ведь, не погорю!

Он предложил:

— Найди недостатки!

Честно говоря, я сколько ни старался, так и не нашел, к чему придраться. Документы не новые, владелец пользовался ими не один год. Мои фотографии искусно состарены, год рождения подходящий, к тому же по паспорту — мне тридцать пять.

Через пару дней, попробовав к новой фамилии, одетый соответственно новому положению в дешевой костюм местного пошива, я явился в местный дом быта, директором которого, как оказалось, был Аркадий Петрович. Он принял меня на работу шофером видавшего виды работника «москвича».

Автомобиль обслуживал руководство дома быта — Аркадия Петровича и его заместителя, а в просторечье — «замшу», на мой взгляд, — стерву высшей стелени. Стареющая, но все еще красивая и с хорошей фигурой, она спала с Аркадием Петровичем и одновременно старалась обольстить меня. Я старательно изображал восхищение, но связываться с ней избегал год тем предлогом, что боюсь Аркадия Петровича.

Как-то, пьяная, она проболталась, что тоже боится его и что он — человек страшный. И тут же полезла ко мне на колени. Я аккуратно, чтобы не обидеть, стряхнул ее. Но это уже из другой оперы. Как-то раз, на утренней оперативке, Аркадий Петрович сказал мне:

— Подготовь машину. Судем ездить по городу.

Часа в четыре дня мы заехали со двор двухэтажного деревянного особняка. От улицы его отделял высокий забор.

Вскоре прискал на белом «жигуленке» хозяин дома, новоселский пузан на тонких ногах, обтянутых спортивным трико. Вид, однако, у него заносчивый, и Аркадий Петрович ходил перед ним на задних лапах.

Оба они ушли в дом, а я остался во дворе. Судя по головам, они поднялись на второй этаж, окна были открыты, и я слышал, как хозяин за что-то распекал моего покровителя. Но вскоре голоса перестали различаться, слились в непрерывное ворчание.

Я, как и многие, страдаю любопытством. Поэтому снял видевший на сарае багор, зацепился им за выступ бревна и подтянулся под подоконник второго этажа.

— На кой черт ты приселок его! А если он хвост ментовский, — напал на Аркадия Петровича хозяин особняка.

Я понял, что речь идет обо мне.

— Я проверял его, Георгий Маркович. Соседи на фотографии узнали, говорят: «Валерка-фотограф».

— Ты убежден, что си бежал из колонии!

— Бог ты мой, да на моих глазах рванул от конвоя и прямо на презид. на ходу. Ну, и калили по нему, а каблук попал. Я сам пушкой каблук вынимал.

Георгий Маркович похмыкал, потом спросил:

— А как си с тобой в контакт вошел!

— Он для первого знакомства о разбил меня. Из моего же чемодана на моих глазах попер трико, наглая морда! Пришлось пушкой его прозреть.

Оба посмеялись над незадачливым грабителем.

— А когда увидел, что под пистолетом, аж зубами заскрипел, думал, что я — чокист. Я и решил прибрать его к рукам.

— Пистолет зря с собой таскаешь... Ну, ладно, это у нас с тобой старый спор. Парень, похоже, свой. А напесты и продаст!

— Пьет, но, видно, боится — пьет в меру. Слушай, Георгий Маркович, что нам его бояться! Он в бегах, его без нас любой миллион сцапает. Деться ему все равно некуда. Надо его использовать!

Георгий Маркович помолчал. Я представил себе его бабье лицо с маленькими злыми глазками. От его решения зависело многое.

— Ладно. — сказал он, — попробуем. Однако прогнать его не мешает.

Как они меня собираются проверять, я узнать не успел, так как хозяин дачи сказал:

— Ну-ка, взгляни, что он там делает!

Я моментально слетел вниз и сел у сарая, сделав вид, что задремал.

Под вечер меня пригласили наверх.

Стол был накрыт, однако бутылки и закуски стояли нетронутые. Видно, разговор обо мне и других, более острых, в вопросах затянулся, и высоко договаривающиеся стороны только что закончили его и поэтому пригласили меня к ужину.

Я плюхнулся на стул и готаянулся за бутылкой. Аркадий Петрович придержал мою руку:

— Успеешь. Скакала потворим.

Я с наглостью в голосе сказал:

— Ладно! Но мне одни разговоры уже осточертели. Ни денег, ни саб! Все одно, как монах. Для этого, что ли, ушел в лесот!

Георгий Маркович взглянул на Аркадия Петровича исподлобья:

— Он у тебя невоспитанный. Может, поручим воспитание милиции!

Я тут же пошел на попятную:

— Что, пошутить нельзя! Только все одно, такая жизнь не по мне!

— А какая по тебе! — спросил Георгий Маркович. — Денег надо? А сколько!

— Я по триста заколачил! — похвалился я.

— Ладно, дам тебе заработать, — решил Георгий Маркович. — На первый раз получишь пятьсот. Надо ствезти моему другу небольшой сберток.

Он взял с полки книгу, раскрыл ее. Внутри было вырезано хранилище, а страницы, точнее, остатки страниц склеены. Из хранилища Георгий Маркович вынул небольшой цилиндрик и раскрыл его. Блеснули золотые монеты.

Я присвистнул:

— Вот это да! А если я с этой передаточкой рвану куда-нибудь!

Георгий Маркович посмотрел на меня внимательно и снисходительно спросил:

— Куда же от денег бегают! Тут товару на десять тысяч, а если будешь служить, как надо, получишь больше.

С этого дня я сменил хозяина. Им стал Георгий Маркович.

СБЕЗДИТЬ надо было в Сочи. После долгого «сиденья» сначала — в следственном изоляторе и в колонии, а затем — под опекой Аркадия Петровича, эта поездка сулила массу удовольствий. Работашка не пыльная, жри, спи, развлекайся. Однако хозяин поставил условие: дорогой — ни капли спиртного. Пришлось сообщить.

Смешно, но факт: футлярчик с монетами заделали в гипсовую позязку, которую наложили на мою левую руку.

— Бриллиантовая рука! — пошутил Георгий Маркович.

Расчет был правильным: кто после такого фильма поверит, что в гипсе — золото. Пошутить — пошутят, а говорить, конечно, никто не поверит. Мне сообщили приметы человека, который будет ждать меня, указали место встречи. На море и загар мне давался двое суток, а затем я должен был возвратиться самолетом.

Скорый поезд погромыхивал на стыках рельсов. Я с удовольствием смотрел в окно или играл в дурачка с молодежниками, сжавшими в одном купе со мной. Молодая, которую звали Женя, заставила мужа уступить мне нижнее место и постоянно заботилась обо мне, боясь, как бы я не ушиб сломанную руку.

Указ, что у Жени день рождения, я плюнул на запрет и купил бутылку шампанского. Извкнулся перед Женей, что нет цветов, и мы втроем выпили эту бутылку.

После стольких дней трезвости вино бросилось мне в голову, лицо загорелось.

— Боже мой, Балера, какой вы красный! — засмеялась Женя.

Я вышел в тамбур немного прохладиться. Следом вошел парень из соседнего купе. Он взглянул на меня, закурил и негромко сказал:

— Вам привез от начальника, тоزاریц Иванов. Приказано передать, что Георгий Маркович — очень крупный контрабандист, специалист по золоту. То, что вы безете, надо сдать сочинским тоزاریцам. На перроне к вам подойдут и спросят: «Вы с какого поезда!» Это наши люди.

«Что-то не так. — подумал я, хотя действительно ждал встречи, но не издан пароль. — Может быть, молодой бригадник забыл, что надо начинать с пароля!»

— Я не Иванов, — сказал я. — Я — Белов, могу паспорт показать.

— Бросьте, товарищ Иванов. Нет времени на шутки. Выполняйте приказание!

Я представился непонимающим (что с меня возьмешь — ведь я еще и пьян):

— А кто это — Георгий Маркович! Я знал одного, так у того фамилия Бабушкин.

Я все еще колебался, поэтому и назвал эту фамилию. — Георгий Маркович проходил у нас под кличкой «бабушка». Если этот человек наш, он назовет мне кличку.

— Шутить изволите, товарищ Иванов! Георгий Маркович носит фамилию Слепневич. Это знает каждый оперативник.

Как должен был поступить я — вполне ясно. Конечно, это проверка хозяина, а человек, который говорит со мной, — провокатор. А вот как должен поступить Валерий Иванов, бежавший из колонии, осужденный, который, к тому же, везет чужое золото, за перевозку которого он вот-вот должен получить хороший куш!

Он ведь тоже должен понять, что этот мужик что-то лепит, поскольку он, Валерка Иванов, с ментами сроду не являлся и никого не ждет. Пришел к нему фраер с непонятными разговорами. Откуда этот фраер знает Георгия Марковича, откуда знает, что он, Иванов, везет груз! Должен ли догадаться Иванов, что этого человека к нему послал сам Георгий Маркович! Вряд ли, для этого он туповат. Скорее всего, решит, что фраер выследил его и берет на пушку. Иванов должен сейчас же проверить свою догадку, тем более, что с фраером он один на один. Драться Иванов любит, особенно, когда подопьет.

И я сказал:

— Че ты, козел, под кума работаешь! Я же тебя насквозь вижу, обиженный дохлый!

Я попал в цель — в глазах парня вспыхнуло бешенство. Он был в колонии, «сидел», а стерпеть такое оскорбление не может ни один «сидевший». «Козел» и «обиженный» — пасивный гомосексуалист — самое ничтожное, с точки зрения осужденных, существо, низшая социальная ступень в колонии. А «кумом» зовут в колонии оперативного работника.

Парень зарычал и рванул к мне. Я с большим удовольствием врезал ему в нос забинтованной рукой. Он свалился, а я спокойно вышел из тамбура.

Я ПОНИМАЛ, что мои хозяева вряд ли дадут мне возможность проникнуть в круг их партнеров. Скорее всего, меня встретит их человек, даст адрес снятой из пары дней случайной квартиры (в гостинице посланец может «засветиться») да вручит билет на самолет. На этом всякая связь с ним прервется. Он, конечно, будет «под колпаком», но этот путь длинный и нелегкий. Надо пытаться проникнуть в сам «деловой» круг.

Георгий Маркович допустил одну оплошность, которой надо было воспользоваться. Мне не объяснили, а я, понятно, не добивался объяснений — где и когда мне снимут гипс! Неужели связанной будет снимать с меня гипс на месте встречи, у морского вокзала!

На встречу со мной пришел... Георгий Маркович. Он незаметно, но очень внимательно осмотрел мою повязку и успокоился — повязка не менялась. Мы поздоровались и сели на лавочку, болтая, как два хороших приятеля. Я коротко проинформировал Георгия Марковича о поездке, о происшедшем в поезде. Однако, как ни странно, происшествие его не взволновало. Я понял, что проверка была спланирована ранее. Ну, хозяин!

Выслушав меня, Георгий Маркович попыток:

— Груз доставлен, поедом снимать гипс.

Я спросил:

— Гостиница от моря далеко!

— В гостинице тебе делать нечего, тебе снята квартира.

— Минуточку! — сказал я с беспокойством. — А где снять гипс! Неужели на глазах у хозяина квартиры! Вошел человек с гипсом, а вышел без него! Если не хозяин, так квартиранты в милицию стукнут. Нет уж, лучше мне идти на квартиру без груза.

Я видел, что поставил Георгия Марковича в затруднительное положение. Именно на это я и рассчитывал. В кустах не снимишь: может увидеть таксист или случайный прохожий. Зрелище: не каждый день в кустах гипс снимают! Ничего ум-

— Посиди, я сейчас!

Он позвонил из автомата, однако, как я ни изнывал слух, разговор не услышал. Донеслось лишь несколько слов:

— ...Другого выхода... вроде... да...

Видимо, ему дали «добро». И вскоре мы на такси подъехали к каменному дому, стоящему на одной из отдаленных улиц города. В доме нас встретил высокий жирный старик в шелковой рубашке, с манерами барина, и парень, с которым мы поговорили в тамбуре вагона.

Увидев парня, я ошкетился:

— Ведь это тот самый фраер, — сказал я Георгию Марковичу, — с которым мы в поезде...

— Спокойно, — ответил он, — это свой!

Я удивился:

— Тогда зачем...

Георгий Маркович пояснил:

— Была небольшая проверочка, на предмет — не мент ли ты.

— Ну и ну, —

— Ладно, затухни! — властно сказал старик. Манеры барина он сочетал с блатным жаргоном, что в другое время и в другом месте вызвало бы смех. Но мне было не до смеха.

— Прими груз, — обратился он к парню.

Снятие гипсовой повязки неквалифицированным персоналом — дело нелегкое. Когда гипс был снят и распотрошен, Георгий Маркович с усмешкой положил футлярчик на стол.

— Открой, — сказал он мне. Я потянул крышку, из картонки посыпались самцовые диски. Я вытаращил глаза, не понимая в чем дело.

— А где золото!

— Там, где ему надо быть, — с улыбкой ответил Георгий Маркович. — Это — вторая проверка. Короче, Валерий, ты нам годишься, парень ты деловой!

Я был такого же мнения: как-никак два крупных гнезда сети контрабандистов выявлены!

В ЕЧЕРОМ мы с Георгием Марковичем вышли прогуляться. Остановились около грузина, жарившего шашлык, взяли бутылку сухого, по шампuru и занялись ароматным мясом. Рядом сидел пареня, видимо, местный,

бич, пролился и маялся, ждал — не подаст ли кто. Я благодушно спросил его:

— Ну что, небось, выпить хочца!

Парень молча покачал плечами, выражение у него было, как у голодной собаки, которую кто-то окликнул: и опасение, и надежда: в эдак повезет. Я дал ему тройак, парень сдавленно поблагодарил и побежал за вином.

— Лишку даешь, — неодобрительно заметил Георгий Маркович, — хватило бы дураку и рубля.

А что мне эта тройка, коли мне только что отвалены за «честность» пятьсот рублей! Что вам, Георгий Маркович, жалеть чужие деньги! Ах, Георгий Маркович, если бы вы знали, что за бумажка вместе с тройкой перешла в руки «бича»!

Я прослужил курьером у Георгия Марковича около двух месяцев. По его заданиям посещал клиентов в Риге, Одессе, Анджакхе... За это мне неплохо платили. У меня, как память, хранятся квитанции нашего финотдела, куда я сдавал свои доходы. Только в одном направлении я ни разу не ездил — за северным золотом, поскольку путь туда лежал мимо колонии, откуд я бежал. Этот узел вскрыли другие, хотя и не без моей помощи.

В один из ноябрьских дней я увидел, как на крыше соседнего дома мальчишка приближает самодельную вертушку с жестяным пропеллером. Это означало, что наша дача окружена и операция по захвату валютников началась.

Я сразу же поднялся на верхний этаж дачи, где была комната Георгия Марковича. Он сидел перед телевизором, одетый в настоящее японское кимоно. Мои хозяева любили разыгрывать из себя этаких аристократов, копируя заграничные фильмы. При этом «аристократ» Георгий Маркович сморкался при помощи пальцев, ругался, как последний бич.

При моем появлении брови Георгия Марковича полезли на лоб:

— Ты что, пьян! Чего лезешь без вызова!

Я закрыл дверь на два поворота ключа. Видимо, рашие, что я пришел его грабить, Георгий Маркович схватил пистолет. Я сцепился в его руку. Хлопнул выстрел, посыпались осколки хрустальной чешской люстры. Я вывернул ему руку и отобрал пистолет. Держа оружие в руке, предупредил Георгия Марковича:

— Сидеть, не двигаться и не разговаривать!

Он взобрался с ногами на кресло, испуганно затаил и только изредка хихал. Я ждал событий, но внизу было тихо: видно, я несколько потронулся. На лестнице слышались осторожные шаги, и голос Аркадия Петровича, который находился у нас с очередным деловым визитом, спросил:

— Георгий Маркович, что случилось!

Я выразительно поднял пистолет, Георгий Маркович промолчал. Ручка двери шевельнулась.

Аркадий Петрович, почувствовав неладное, побежал вниз по лестнице поднимать тревогу. На лице у Георгия Марковича появилась ироническая улыбка. Он полагал, что грабитель, то есть я, будет скоро вынужден сдаться. Помню, меня насмешило, что передым на помощь Аркадий Петрович призвал меня. Он и мысли не допускал, что я могу взбунтоваться, ведь я был куплен им по высокой цене. Кто же будет рубить сук, на котором сидит!

Затем по возне внизу я понял, что все кончено. Ребята поднялись по лестнице, кто-то из них окликнул меня:

— Никита, жид!

Я откликнулся:

— Жид, здоров, чего и вам желаю!

И опять я недооценил своего хозяина. Я отвлекся лишь на секунду, пока повернул ключ в замке. Лишь на секунду я выпустил из виду Георгия Марковича и был за это наказан. Я услышал выстрел и тут же почувствовал резкую боль в левой руке. Знать, дурная примета — накладывать гипс на здоровую руку.

В открытую дверь рванулись оперативники...

РАНЕНИЕ оказалось не таким уж страшным, хотя пуля слегка задела кость. Рука, конечно, лобализала, особенно ногами, иногда энбило, но, в общем, терпеть можно.

Мэня, как какого-то крупного начальника, поместили в отдельную палату и поставили цветной телевизор. Ребята напятили фантастики и детективы. Я читал и дивился подвигам книжных сыщиков, чувствуя, что мне никогда не подняться до их высот. Поймив индийский чай с лимоном. Словом, бла-

женствовал. Вот если бы еще... Но об этом лучше не думать... Дал же себе слово!

В самый разгар блаженства меня посетил высокий гость. Высокий и в буквальном смысле, около двух метров. В свое время был хорошим баскетболистом. Я встал.

— Товарищ генерал, подполковник Колычев задание выполнил.

— Поздравляю с очередным званием, товарищ Колычев! — официально сказал шеф.

— Служу Советскому Союзу! — также официально ответил я.

— Ну, здравствуй! — сказал он. — Опять в тебя стреляли!

И осторожно, чтобы не потревожить раненую руку, обнял меня и на мгновение прижал к груди. Эх, и хороший же у нас старик!

— Старею! — сказал он сердито. — Вот и слезу пустил. Он пробыл у меня часа два, а когда уходил, сказал:

— Быздоравливай, хватит тебе мотаться по таким командировкам. Есть и помоложе. Тоже, скажу тебе, неплохие ребята. — А потом посмотрел на часы и добавил: — Меня не провожай, а иди-ка лучше в холл на второй этаж. Если не ошибаюсь, тебя уже пять минут ждет одна девушка.

Признаюсь, у меня вкунуло сердце. Шеф смотрел на меня насмешливо и доброжелательно.

— Ступай, ступай! — сказал он.

Это была Катя! Она задумчиво смотрела на черные деревья за окном. Одета в незнакомый мне костюм, лицо похудевшее и бледное. Когда я подошел, она медленно повернула голову, обратив на меня тот же задумчивый взгляд огромных черных глаз.

Я не помню, о чем мы говорили в первые минуты, мне кажется, мы просто молчали. Потом оказалось, что мы держимся за руки и смотрим друг на друга. Уже потом я осознал, насколько нелепо вел себя тогда. По-моему, на нас уже стали глазеть.

Я спохватился и пригласил Катю в свою палату. Немного стесняясь своего вида, мешковатой пижамы и тапочек без задников, которые то и дело сваливались, старался держаться позади Кати. И уж вовсе некстати влезла в дело дежурная медсестра:

— Прошу на укол, товарищ полковник! — сказала она.

И откуда они все знают, эти женщины! После очередного «унижения» за ширмой, чтобы скрыть смущение, я начал угощать Катю грушами, забыв, что они не вымыты. Пришлось извиниться и взять грушу обратно. Я пытался вымыть ее одной рукой, но, понятно, что из этого ничего не получилось.

— А теперь, Никита, — сказала она, — ответьте мне на несколько вопросов, чтобы я не чувствовала себя душой. Во-первых, почему вы опять ранены, во-вторых, почему вас называют полковником и, в-третьих, до каких пор вы будете морочить мне голову!

Я признался:

— Катя, я действительно уже полковник и действительно ранен. Раньше я не мог вам всего рассказать. Только в одном, Катя, я вас не обманывал: у меня действительно нет жены. И если бы вы, Катя, согласились стать моей женой, мне для счастья больше ничего не надо!

Катя сперва засмеялась, потом заплакала:

— Господи, — сказала она, прижавшись ко мне. — да разве вы, Никита, не видите, что я, как дура, как собачка, бегаю за вами!

И я поцеловал ее в соленые от слез глаза.

МАЙКЛ КОУНУ

СИМБИОНТ

ПЕРЕВАЛИВ за гребень холма, Джо поднял голову и взглянул вперед. Красная глинистая тропа спускалась к берегу небольшого залива. Залив глубоко врезался в сушу. Очерченные белой пеной, с камнями с шумом разбивались волны. Начинался шторм. Черные тучи над горизонтом уже наполовину скрыли солнце. Становилось холодно и сыро. А идти еще долго: к ночи надо добраться до следующей деревни.

Джо устал, и чинто, сидевший у него на плечах, казался непомерно тяжелым. Чинто сиротил на шею человека волосяные ножки и крепко держался за голову, сцепившись в волосы длинными пальцами. Сколько Джо помнил, они всегда были вместе.

— Ту... — позвал он. — Мы... — и показал рукой на небо, пытаясь сообразить, как сказать, что уже темнеет, что он устал и что скоро будет шторм.

— Надо торопиться, Джо. Ты должен идти быстрее. — проговорил чинто мягким голосом.

Джо промолчал. Тяжело... Чинто тяжелый... Болит плечи... Он вспомнил, да... теперь вспомнил... ту девушку... Она ему понравилась. Ее мягкие волосы спускались почти до пояса, из-за которых не было видно ног ее чинто. Похоже, и он ей понравился, но Ту отказался останавливаться. Джо хорошо это помнил. Пока они с девушкой держались за руки и смотрели друг на друга, Ту говорил с ее чинто. Потом сказал что надо идти.

Вот только когда это было! Вчера! Позавчера! Нет, не вчера. Вчера Ту разговаривал с другим чинто в деревне. Джо разглядывал людей, а они, в свою очередь, разглядывали его. Потом их накормили и уложили спать. Джо хорошо помнил, что это было вчера. А девушка была раньше... Может, он видел ее прошлым летом, когда светило яркое солнце, и лили теплые дожди! Он часто думал о ней, вспоминая нежную руку девушки и яркие глаза ее чинто, глядящего на Ту чуть-чуть снизу.

Зарябил дождь и стало скользко. Спускаясь ближе к морю, тропа петляла меж обветренных шершавых скал. Сцепляясь за камни, Джо медленно сходил по ней.

— Осторожно! — Ту еще крепче сжал его щею тонкими слабыми ножками.

Джо и так знал, что надо идти осторожно. Ведь если он упадет, чинто может удариться головой. А если Ту умрет, что тогда будет с Джо?!

Неожиданно он замер и ухватился за обломок скалы, увязнув в мягкой глине своими ногами.

— Что случилось, Джо! Почему ты остановился! — тут же спросил чинто.

Джо отступил головой вперед, не решаясь оторвать руки от опоры. Страх почти лишил его дара речи, и он только прохрипел:

— Вон там...

В пять шагах от них ровно посередине узкой тропы, лежала змея. Яркие словно драгоценные камни ее глаза

* Симбионт — один из участников симбиоза.

Художник С. ГРИГОРЬКИН.

горели ненавистью. Змея шевельнулась, подняла плоскую голову, мелькнул раздвоенный язык. Каким-то звериным инстинктом Джо почувствовал, что она рассержена, потому что не может обратиться на привычную сухую землю, и готса жалить, убивать...

Небо стало еще темнее. Дождь усилился. В скалах гулко заухал ветер.

— Камень, Джо. Возьми камень. Кинь в змею. Убей ее. Тогда мы сможем пройти. Если ты убьешь ее, она не ужалит.

Слова чинто словно подстегнули мысли человека. Джо стряхнул с себя оцепенение и наконец понял, что от него требуется. Держась одной рукой за скалу, он нагнулся, вытащил из глины камень, бросил. Промаякнул. Змея зашипела и, избегая, поползла к нему.

— Еще раз, Джо! То же самое!

На этот раз он обеими руками подхватил большой обломок скалы, вскинул его над головой, так что чинто испуганно отшатнулся, и швырнул изо всех сил. Хвост змеи, торчащий из-под камня, не шевелился.

— Теперь мы можем идти. Торопись. Все еще дрожа, Джо выбрался из скал и двинулся сквозь дождь вниз по холму.

Взаимозависимость. Симбиоз. Таковы люди и чинто. Такова Земля.

Когда-то, много веков назад, когда чинто только привезли со звезд, они сразу стали популярны. Шли годы, чинто постепенно из символа достатка превратились просто во всеобщих любимцев. Со временем возник обычай дарить чинто ребенку на четырнадцатилетие. Так чинто появились у каждого.

Эти чинто, маленькие и ленивые, были разумными существами.

Человек больше и сильнее чинто. Ему доставляли удовольствие физические усилия. Ну, а думать много не приходилось. Жизнь налажена, обо всем заботятся компьютеры. Кроме того, рядом всегда чинто, готовые объяснить, помочь, предложить, придумать, посоветовать. Просто носи его с собой. Люди сажали чинто на плечи, и маленькие разумные бывали везде, где бывали их хозяева. Чинто прижились на человеке. Их это тоже устраивало: зачем ходить, когда тебя несут! И совсем скоро, всего через несколько веков, их ножки стали атрофироваться. Зато объем мозга значительно увеличился.

Так удобство стало необходимостью. Человек отвык думать. Чинто едва могли передвигаться сами.

Может быть, так и должно случаться, когда эволюция перебаривает через вершину! Когда машины все берут на себя, ни о чем думать не надо. Просто ли случайность, что люди нашли чинто! Что привело к чинто человека, когда он, еще молодой и полный сил, искал братьев среди звезд! Может, не созная того, что уже искал себе компаньона для старости, для того времени, когда пройдет страсть к звездам, и человек останется на Земле со своими экранами, играми и роботами, которые обо всем позаботятся!

Может быть. Так предки, те, что летали к звездам, интеллектуально обеспечили закат своих потомков. Машины постепенно сломались, и никто их не чинил.

Цивилизация завершилась незаметливой пасторалью. И новым героем этой пасторали — человек — играл роль деревенского простачка...

Когда кончились скалы, тропа свернула от моря и заплутала в кустарнике. Шли долго, и Джо почти забыл про змею. Осталось лишь смутное воспоминание о чем-то неприятном, как будто это случилось давно. Может быть, вчера Дождь не переставал. Джо весь промок, одежда прилипла к телу.

— Направо, я думаю, — сказал чинто, когда они добрались до железных во-

рот. Уже смеркалось. Джо оторвал створку, они прошли за забор, и ветер с лязгом захлопнул за ними ворота. Идти по ровному, хотя и совсем расстрекавшемуся асфальту было гораздо легче.

— Стоять! — раздался резкий голос из-под придорожного навеса. В полутьме появилось блестящее квадратное лицо, по нему стекали капли дождя.

— Куда вы направляетесь? Имя! Документы! — существо протянуло вперед металлическую руку.

— Не беспокойся, Джо. Вперед, — чинто чуть передвинулся на плечах человека. — Это осталось от прошлого. Многие пользовались этой дорогой в старые времена. Сейчас по ней ходят, наверное, лишь учетчики, как мы. Которые считают людей.

— Остановитесь! — робот выскочил на дорогу. — Повторяю! Немедленно остановитесь! Ваши документы!

— Я... Мы... — Джо, почувствовав смутную угрозу, хотел что-то сказать, но спокойствие Ту его обнадежило.

— Остановитесь, или я открою огни! — Не останавливайся, Джо.

Робот подошел к маленькому столику с пультом, вынул из гнезда микрофон и стал монотонным голосом докладывать:

— Человек не выполнил приказа остановиться. Человек находился в запретной зоне. Следовательно, я должен стрелять.

ПРОВОД от микрофона к верхушке столба у дороги и дальше опять падал на асфальт. Джо переступил через истерты концы проводов и пошел вперед.

— Последнее предупреждение! Стреляю! — гремел позади металлический голос. Джо обернулся.

Робот держал в руках автоматическую винтовку. Его палец надавил на спусковой крючок, но выстрела не последовало: магазин винтовки был пуст уже многие годы. Проржавевший спусковой крючок отломился и, жалобно звякнув, упал на асфальт.

Джо двинулся дальше. Робот остался стоять в нерешительности. Подобные напоминания о былой машинной эре встречались довольно редко, и Джо был благодарен Ту за то, что он знает, как надо себя вести в подобных ситуациях.

Тропа опять свернула к морю, но теперь по обеим сторонам высились деревья. Ветер обрывал с них мокрые листья и швырял в лицо. Джо сгорбился и втянул голову в плечи. Ту прижался к нему, стараясь спрятаться за низко опущенной головой человека.

— Джо, дорога подходит к морю. На побережье должна быть деревня. Нас тутят переносить, — Ту с трудом перекрикнул ветер.

Вдруг Джо заметил: впереди что-то движется. Из темноты, размахивая руками, вынырнул задыхающийся от бега человек. Лет пятидесятая, худой. И без чинто. От волнения он не мог ничего сказать, лишь безучастно открывал рот:

— Мы Джо-и-Ту, — по привычке представился Джо.

— Мы... — человек затравленно огля-

нулся вокруг. — Мы... — взгляд его сузился, на лице появилось выражение боли и опустошенности. Он ощупал руки шею, плечи. — Мы...

— Твой чинто пропал, — подтвердил очевидное Джо.

— Да... да. Деревня... Шторм... Большие волны... Потоп. Нам... Нужна помощь. Мы... — лицо человека перекосилось. Он отчего-то сорвался с места, бросился мимо Джо вверх по дороге и скрылся в мокрой темноте.

«У нее были длинные черные волосы и зеленые глаза. Она подняла руку и откинула прядь волос за спину...»

— Джо! О чем ты думаешь! Надо быстрее добираться до деревни. Ты так и будешь стоять под дождем!

— Хорошо, — Джо двинулся по дороге, все еще удивляясь четкости видения. Как будто она, та деаушка, была совсем рядом.

В деревне царил полная неразбериха. Люди суетились, беспорядочно сновали туда-сюда, чинто сдвигались и отдавали распоряжения. Испуганные крики людей и писк чинто перекрывали рев разбивающихся о берег волн и завывание ветра, приносящего с моря вдобавок к дождю брызги и мелкую водяную пыль.

— Иди сюда. Нужна помощь, — рядом с Джо появился мужчина. Его чинто показал рукой в сторону берега. — Нет, иди туда, там нужны люди!

Вдоль побережья растянулись цепочкой люди, чинто сгруппировались большой группой на каменном возвышении под скалой и руководили работой. Они передавали инструкции стоящему поблизости мужчине с сильным голосом, и тот докрикивал их до работающих людей.

Джо осторожно снял Ту и поставил на камень рядом с другим чинто. Затем встал в цепочку. Камень, на котором стояли чинто, на секунду задержал его взгляд, и он вдруг понял, почему — перед ним были обломки разрушенного дома. Под ногами хлюпала вода.

Слева передали кресло. Джо автоматически отдал его стоящему справа. Затем передали кипу мокрого, плещущегося по ветру постельного белья.

Чинто организовали все замечательно. Правда, еще не все люди поняли, что надо присоединиться к цепочке. Некоторые продолжали бесцельно слоняться по берегу с охотками домашней утвари. Зато цепочка работала слаженно, передавая вещи из разрушенных домов дальше по склону, к зданиям, стоящим на вершине скалы. Когда совсем ничего не стало видно, кто-то принес фонари и расставил их вдоль цепи.

Один, без Ту, посреди таких же растерянных людей, как он сам, Джо ощущал странное беспокойство. Но не просто беспокойство, к этому чувству словно примешивалось любопытство. Что происходит! Почему они передают куда-то вещи! Зачем!

Он незаметно вышел из цепочки и побрел по берегу, спотыкаясь на мокрой гальке. Добрел до хорошо освещенного места, где люди под руководством чинто расставляли бревна, доставали из-под обломков домов уцелевшие вещи и тоже передавали их куда-то наверх.

Здесь, как видно, упал обломок скалы, похоронив под собой несколько зданий. Раскатившиеся каменные глыбы и бревна, саялись по всему берегу. Джо стало интересно, что с домами, расположенными за скалой. Бездумно он подхватил фонарь и стал перебираться на противоположный склон. По дороге он устал, задумался и сел. Где-то над головой раздавался голос чинто: «Группа крови... Козфициент... Умственных способностей... Генотип...» Едва понятные для Джо слова. Но он и не старался выкинуть в их смысл.

«Джо! Нам надо идти!»

Внезапно очнувшись от своих мыслей, Джо поднял голову. Вокруг было совсем темно, и только фонарь освещал небольшой колеблющийся круг у его ног. Чей-то голос... Мысль... Кто-то звал его... Или показалось... Голос, как эхо из вчерашнего дня. Это разочарования, которое он никогда не забудет, хотя обычно забывает легко...

Он пошел обратно. Шум волн становился громче. Дождь и соленые брызги жалили неумолимо. Но чего-то в шуме приобь недоставало.

Джо добрался до разрушенных домов. Ни людей, ни чинто. Лишь обломки мебели и обрывки тряпок на мокрой земле. Джо испугался и закричал:

— Ту! Ту-у-у!

Ту никогда не бросит его. Ту ждет где-то на берегу. На том большом камне, вместе с остальными чинто. Сейчас он его найдет, посадит на плечи, и они пойдут к следующей деревне. Как всегда, вместе.

Всхлипывая, он бежал по берегу. Где же тот камень!.. Вот здесь... О, господи!

Прямо перед ним, уходя в черноту неба, возвышалась целая гора камня, щебенки, разбитого дерна. Джо поднял фонарь над головой. Подточенная волнами скала наконец не выдержала и рухнула, раскатившись лавиной до самой воды. Джо выронил фонарь и, ничего не соображая, бросился на грудь камней, разбрасывая в испуге обломки, крича от боли и одиночества:

— Ту-у-у! Ту-у-у!

Болезненно яркий свет медленно выволил его из забытия. Холод сковал тело, и Джо с трудом пошевелился, огляделся вокруг и поднялся на ноги. Он дрожал, руки нестерпимо болели. Прямо перед ним возвышалась гора камней. Внезапно он вспомнил, и с памятью вернулось чувство одиночества и непереносимой утраты.

Где-то там, под обломками, лежал Ту, который был его компаньоном и поводырем многие годы, без которого он остался совсем один. Джо стоял, не в силах двинуться и, может, простоял бы еще, если бы инстинкт симбиоза не уступил место другому инстинкту. Инстинкту самосохранения.

Медленно он побрел по берегу. Что говорил Ту о таких случаях! Что-то он говорил своим мягким голосом много раз, наклоняясь к самому уху Джо!

«Если что-нибудь со мной случится, Джо, если я вдруг умру, или ты останешься один из-за какого-нибудь несчастного случая... Джо, тебе нужно будет обратиться в ближайший Центр. Там тебе помогут.»

ДЖО сердился, когда Ту говорил так. Не хотелось даже думать об этом. Но слова задержались в памяти. «Обратиться в ближайший Центр...»

Где этот ближайший Центр! Они с Ту заходили туда много, много раз... Надо идти обратно. Чтобы море оставалось справа. Он стал подниматься по тропе, чувствуя непривычную легкость. Не было груза на плечах, и руки сами собой цеплялись за камни.

Когда-то Ту говорил: «Ты не должен отиситься ко мне плохо, Джо. Не думай, что я обуза и тебе будет лучше без меня. Я признаю, что не могу без тебя передвигаться, потому что мои ноги почти не ходят. Зато я могу думать, Джо, а значит, я тебе нужен. Люди уже не могут думать так ясно, как раньше». Или что-то вроде этого. Кажется, в тот день они пили пиво в каком-то древнем заведении, и Джо слегка перебрал. Выходя, он пригнулся, не удержался на ногах и расшиб коленку. А потом долго не мог успокоиться. Почему раньше делали такие низкие двери?! Ведь, если не пригнуться, чинто ударится головой...

Когда солнце поднялось высоко и стало жарко, Джо уже просто шел, ни о чем не думая. Он не сразу обратил внимание, что кто-то кричит. Высокий, отчаянный голос. Джо пошел быстрее. Как-то однажды он застрял ногой в расщелине и беспомощно лежал, не зная, что делать. Ту велел ему громко кричать и звать на помощь. В конце концов их услышали и спасли. Если кричат, значит, кто-то в беде, и нужно спешить на помощь.

Перезавалив через вершину холма, Джо увидел, что в низине копошатся люди. Просто люди, без чинто. Они сбились в кучу, толкаются. Джо подбежал и тронул ближайшего мужчину за плечо.

— Что?.. — спросил Джо, показывая рукой на толпу. Мужчины непонимающе посмотрели на него.

— Что там происходит! — переспросил Джо.

— Ты... Тоже один... — пробормотал мужчина. — Была буря... Скала упала... Там... Было темно... Все наши чинто...

Внезапно толпа расступилась. Люди подняли уцелевшего чинто на руки и посадили на плечи самому высокому мужчине. Толпа быстро пошла прочь. Чинто, вращая глазами, с тревогой оглядывался назад и пищал жалобно и тонко: «Ширли! Ширли-и-и!». Джо посмотрел им вслед, потом склонился над девушкой, лежащей без движения на земле.

Сердце его стучало, и, чтобы успокоиться, он сел рядом. Девушка была маленькая, беспомощная, в разорванной рубашке. Самая прекрасная девушка, которую Джо когда-либо видел.

Она открыла глаза, но еще не заметила его. Взгляд, обращенный в себя, лицо, оттененное болью... Она тихо застонала, и Джо, неуменно пытаясь произвести что-нибудь успокаивающее, положил руку ей на талию. Должно быть, она почувствовала прикосновение. Глаза ее прояснились и остановились на нем, отражая удивление и узнавание сразу. Девушка шевельнулась и попыталась встать.

— Нет, нет, — произнес Джо. — Полежи немного. Что случилось!

Она стала рассказывать, и Джо гдург показало, что он спит, а Ту, так ясно и отчетливо он все понимал. Но сравнительно с невероятными рожденьями, которые обычно издают люди, речь ее казалась особенно плавной и понятной.

— Они отобрали у меня чинто. Ее звали Эль, и мы очень хорошо ладили друг с другом. Когда мы поднимались на холм, они встретились нам целой толпой. Они хотели, чтобы мы отвели их в город, но Эль сказала, что мы не можем, так как у нас важное дело. Они были сильно напуганы, и все смотрели на чинто и не уходили. А потом один из них вдруг схватил чинто, и они накинулись на нас все сразу.

— Очень жаль... — пробормотал Джо. Ему хотелось сказать что-нибудь вроде «Все в порядке», или «На беспокойся, я позабочусь о тебе». Но как сказать, он не знал, ему лишь нравилось, что девушка не похожа на других людей. Она умная, хорошо говорит. Она даже может обойтись без чинто. Он не мог этого сказать и жалобно произнес:

— Что же будем делать!

Она поднялась с легким стоном, но все равно грациозно. Почему-то и без чинто она выглядела совершенно естественно. Джо чувствовал себя неловко, стыдился, что он без чинто, она же стояла так, как будто привыкла быть одна.

— Дальше по этой дороге есть заброшенный дом, — сказала она, поразив Джо отличной памятью. — Пойдем туда. Разведем огонь и останемся там на ночь. Уже поздно идти дальше.

— Хорошо, — согласился Джо.

Они пошли неторопливо, и Джо с удивлением обнаружил в своей руке ее маленькую ладошку.

— Зачем! — спросил Джо. — Куда ты шла!

Он чувствовал себя с Ширли гораздо уверенней. Слова давались ему легче, и он иногда произносил такие сложные предложения, какие раньше даже в мыслях ему давались с трудом.

Она перескочила на спину. Ее профиль резко очерчивался на фоне костра, и Джо не мог оторвать от нее взгляд. Незадолго до этого она окончательно сразила Джо, достав из кармана коробок спичек и ловко разведя огонь. Они прилегли на полу у костра, потом придвинулись ближе. Джо был словно пьяный от ее красоты. Ширли молчала.

— Почему! — спросил он еще раз.

— Ты... помнишь меня, Джо! Помнишь, мы встречались раньше!

— Я помню, Ширли.

Она улыбнулась и взяла его за руку. — Хорошо. Я думала... Люди забывают так быстро. Я думала, что делаю глупости.

— Почему!

— Потому что мы тебя искали, Джо. Эль и я хотели тебя найти.

— Искали нас! — переспросил Джо.

— Нет. Не тебя и Ту. Не совсем. Нам нужен был ты. Слушай, внимательно, Джо. Я тебе все расскажу. Чинто всегда обо мне хорошо заботилась. Очень хорошо. У меня их было несколько. Эль была последней, но они все меня учили разным вещам, заставляли делать все самой. Говорили, что я сообразительней, чем большинство людей. Мой коэффициент 118.

Джо кивнул. Ту когда-то упомянул, его, Джо, коэффициент. С гордостью он сообщал всем, что у Джо — 86. Должно быть, 118 означает, что Ширли очень умная.

— Они говорили, — продолжала Ширли, что я представляю собой надежду человечества. Они чувствовали свою вину из-за того, что люди разучились думать. В тот день, когда мы в первый раз встретились, — это было позавчера, ты помнишь! — я сказала: «Эль, он мне нравится». Эль сказала, что ты, кажется, мне понравишься. Потом мы вернулись домой, Эль достала таблицы и стала говорить про какие-то генетические коды и что мы подходим друг к другу. А потом сказала, что мы должны тебя найти. Я даже не поверила. Мы сразу отправились в путь.

— Что мы будем делать завтра! — спросил Джо, вдруг осознавая, что уже несколько часов он даже не вспомнил про Ту.

Ширли печально улыбнулась. Джо не понял. До него дошло, что они могут быть вместе какое-то время, и все. Он не понял, что у них может появиться ребенок, у которого есть шанс стать началом нового витка цивилизации, когда человек будет играть такую же роль, как раньше. И, может быть, сейчас нет смысла объяснять. Он даже ее не слушает, просто смотрит преданными, широко открытыми глазами.

Но, как ни странно, она тоже успела его полюбить.

— Что мы будем делать завтра! — переспросил Джо.

— Завтра! — Ширли улыбнулась и, как ребенка, поцеловала его в щеку. — Завтра я поведу тебя ловить рыбу.

Пер. А. КОРЖЕНЕВСКОГО.

● ОБЪЯВЛЕНИЕ ● ИНФОРМАЦИЯ ● ОБЪЯВЛЕНИЕ ● ИНФОРМАЦИЯ ● ОБЪЯВЛЕНИЕ ● ИНФОРМАЦИЯ ●

**КАБЕЛЬНОЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ —
ЭТО БУДУЩЕЕ
ТЕЛЕВИЗИОННОГО ЭФИРА,
КОТОРОЕ СОЗДАЕТСЯ СЕГОДНЯ!**

МОЛОДЕЖНЫЙ ЦЕНТР «АВТОМАТИКА» ПРЕДЛАГАЕТ КОМПЛЕКТЫ ОБОРУДОВАНИЯ ДЛЯ СТУДИЙ КАБЕЛЬНОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ В НЕОГРАНИЧЕННОМ КОЛИЧЕСТВЕ.

НАШЕ ОБОРУДОВАНИЕ — ЭТО ВЫСОКАЯ РЕПУТАЦИЯ И НИЗКИЕ ЦЕНЫ!

ВО ВСЕХ УГОЛКАХ СТРАНЫ РАБОТАЮТ СИСТЕМЫ КТВ, ВАМ С УДОВОЛЬСТВИЕМ ПОДТВЕРДЯТ, ЧТО ОБОРУДОВАНИЕ МЦ «АВТОМАТИКА» ЭТО:

- ОКУПАЕМОСТЬ В ТЕЧЕНИЕ МЕСЯЦА;
- НАДЕЖНОСТЬ В ЭКСПЛУАТАЦИИ;
- ПРОСТОТА В ОБРАЩЕНИИ;
- ВЫСОКОЕ КАЧЕСТВО;
- ОБУЧЕНИЕ ТЕХПЕРСОНАЛА;
- ГАРАНТИЙНЫЙ И ПОСЛЕГАРАНТИЙНЫЙ СЕРВИС;
- ПРИОРИТЕТНЫЕ ДЛЯ ЗАКАЗЧИКОВ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПОСТАВКИ КОМПЛЕКТУЮЩИХ ДЕТАЛЕЙ;
- ПОСТАВКА СИСТЕМЫ КТВ В ТЕЧЕНИЕ 1—2 МЕСЯЦЕВ.

СИСТЕМЫ КАБЕЛЬНОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ «АВТОМАТИКА» — ЭТО ШАГ ПО ПУТИ ПРОГРЕССА. СДЕЛАЙТЕ ЭТОТ ШАГ ВМЕСТЕ С НАМИ!

ДОПОЛНИТЕЛЬНУЮ ИНФОРМАЦИЮ ВЫ СМОЖЕТЕ ПОЛУЧИТЬ, НАПРАВИВ СВОИ ЗАЯВКИ ПО АДРЕСУ: 624080, СВЕРДЛОВСКАЯ ОБЛ., г. ВЕРХНЯЯ ПЫШМА, а/я № 77.

«КАМА-СУТРА»

**Древнеиндийский научный трактат
«ИСКУССТВО В ЛЮБВИ»**

поможет вам правильно сориентироваться в сложном мире человеческих взаимоотношений, разобраться в своем собственном назначении, прольет свет на ваши истинные чувства и переживания.

Приобретайте книгу «КАМА-СУТРА».

Стоимость 1 экземпляра — 10 рублей.

Заказы присылать на открытках по адресу: 454016, г. Челябинск, а/я 17353, «ИНФО».

СОДЕРЖАНИЕ

Поиски Клиффорда М. 1
Боб Леман

Куклы 10
Герман Дробиз

Затянувшаяся командировка 22
Сергей Бояркин

Симбионт 29
Майкл Коуни

Издание подготовлено кооперативом «Свиток» и журналом «Уральский следопыт».

Над тринадцатым выпуском «ПИФа» работали: М. Пудовкин, С. Казанцев, Г. Гаврилова, Л. Йокитулло, Н. Зайцева, О. Аржанников.

Ответственный за выпуск С. Мешавкин.

Пиф. Приключения и фантастика: сб. остросюжетных рассказов. Сборник содержит приключенческие, фантастические рассказы и публицистические материалы советских и зарубежных авторов.

Свердловск: Кооператив «Свиток». 1990 — 32 с.
Лечать высокая. Усл. печ. л. 4.0 Уч-изд л. 4,42.
Зак. № 964. Тираж 110000 экз. Цена 1 руб.
Подписано к печати 24.XII.90.
Кооператив «Свиток»
Гипография изд-ва «Военный железнодорожник».

Наш адрес: ул. Декабристов, 67.

☎ 22-10-74